

Денис Петришин

МЕРТВАЯ
ОПЬ

КОГДА ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК

Денис Петришин

Мертвая топь

«Издательские решения»

Петришин Д.

Мертвая топь / Д. Петришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932522-8

Злой век. Век мечей и секир. Век лютых зим и суровых земель. Война обрушилась на их земли моровым поветрием. Тысячи невинных будут пущены под нож ради лучшей жизни захватчиков. Но найдется павший, который начнет на них охоту. И охотясь на это зло, он вынужден усваивать его повадки. Однако в любом столкновении между двумя всегда страдает кто-нибудь невинный.

ISBN 978-5-44-932522-8

© Петришин Д.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ I: ВОЙНА ЗА СМЕРТЬ	6
ЧАСТЬ II: ЗАЛОЖНЫЕ ПОКОЙНИКИ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мертвая топь

Денис Петришин

© Денис Петришин, 2019

ISBN 978-5-4493-2522-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ I: ВОЙНА ЗА СМЕРТЬ

- Каля? Ты дрожишь. Тебе холодно?
- Нет, Рогдар. Всё хорошо. Главное, что ты живой. Вернулся домой. Вернулся ко мне.
- Выжил. Не погиб.
- Погибнешь тут с тобой... Если погибну – ты ж меня убьешь.
- Бородатая шутка.
- Зато у нее борода лучше, чем у тебя.
- Тебе не нравится моя борода?
- Я в восторге от нее.
- Я тут подумала... Нам придется покинуть нашу землянку. Навсегда.
- Ну, нет. Я буду грустить без сырости и комаров.
- Втроем там будет тесно.
- У нас завелся кот?
- Ой, только осторожно: не порежься своим остроумием.
- А кто третий?
- Ребеночек.
- Какой ребеночек?
- Ну, такой маленький весь, лысый, постоянно орущий и страшно красивый.
- Погоди-погоди... Откуда он?
- Из капусты вывалился! Ну, Рогдар, ты чего?
- Ты беременная, что ли?
- Мамошка моя дорогая! Как ты догадался?!
- Ёлки...
- Сейчас ты должен спросить: не сон ли это? И обязательно должен попросить, чтобы я тебя уципнула.
- А я не хочу просыпаться, если это сон.
- Нет! Ты должен попросить уципнуть тебя. Ну, проси. Ну, Рогдар! Проси!
- Лучше просто поцелуй меня.
- Скажи: больше никакой войны? Скажи, что больше не будет никакой войны.
- Мы построим новый дом. Большой дом. Чтобы там был детский смех. И эта постоянная суета. Мы будем с тобой вечно спорить о воспитании детей и ругаться. А потом – мириться.
- И танцевать?
- Я не умею танцевать.
- Я тоже.
- Как мы его назовем?
- Назовем? Назовем... хм-м-м... Ой! Ты хочешь кушать?
- Это имя?
- Это вопрос...

...Он вздрогнул, открыл слипшиеся ото сна глаза и от досады вгрызся пальцами в сырую землю. Осенний влажный холод пробирался в тело, сжавшееся в позе зародыша. Закрыв глаза, пытаясь удержать сон, ухватиться за него, отчаянно пытаясь вновь окунуться в сладкий яркий мираж, окунуться в его тепло и раствориться без остатка.

Но сон больше не вернулся к нему.

861-й год бесконечной войны. Север восточнославянских земель болен войной. Ладожский конунг Хольгер топором и мечом подчиняет себе все окрестные земли, неся им гибель во имя лучшей жизни. Псковские славяне, отказавшись покориться, отправляют войско под стены Ладоги, чтобы положить конец гнету викингов...

Наутро никто не вспомнил, на какой войне он находится. Лишь когда сошло похмелье сна, они стали что-то вспоминать. Не дремала только многолетняя привычка: держать оружие при себе и знать направление.

С годами переставали думать об исходе битвы, на которую шли. Тревога отмирала быстро и больше не возвращалась. Не могли даже помыслить, что война, должная решить судьбу северных общин под стенами Ладоги, окончится не начавшись.

Шли левым берегом Волхова, почти вслепую, пробираясь сквозь густой туман, который обволакивал берег и сизый хвойник и волочился по широкой реке. Мелкая морось срывалась с тяжелых облаков, и крепкие ноги ратников, обутые в кожаные истоптанные башмаки, месили грязь дороги, разбитой сырой осенью.

«Говорят, волки любят туман, – про себя подумал Рогдар. – Используют его во время охоты. Ничего странного, что все мы оказались здесь».

Он был псковским сотником, крепким и угрюмым бойцом, истрепанным войнами. Поросшее грубой бородой лицо обветрило холодом, посекло ранними морщинами, порезало давними рубцами. Жилостное тело защищал избитый доспех из вытертой кожи.

За Рогдаром двигалось малое войско. Сотня свирепых воинов, закаленных злыми зимами, тяжелым трудом и изуверскими битвами, обескровившими псковскую общину. Нудная морось уныло оседала на их потрепанные кольчуги, сбитые топоры и щиты, которые они несли на спинах. Непроницаемые бородатые лица, твердая решимость и выкованное годами хладнокровие.

– Напомни мне, Рогдар. – Старый десятник поравнялся с молчаливым сотником. – Напомни мне: за что мы сражаемся?

– Зачем спрашиваешь?

– Затем, что хочу знать.

– Раньше ты не задавался этим вопросом.

– Всегда им задавался. Про себя – не вслух.

– Что с тех пор изменилось?

– Мы.

Десятник ожидал ответа.

– За наши семьи. – Рогдар задумчиво поглядел вниз, будто отсчитывая шаги вязнущих в скользкой грязи ног. – За землю.

– А кому принадлежит эта земля? Нам ли? Не надо прикрывать истинное положение этой войны нашими семьями! Мы подыхаем здесь не за наше будущее. Там, в Пскове, сидят купцы, бояре да ростовщики. Они вдруг заговорили о будущем наших семей только сейчас, когда настал час топора и меча. Когда наши семьи мёрли с голода – о них никто не вспоминал. Эти мрази почуяли угрозу своим богатствам. Но ни они, ни их дети на эту войну не были отправлены. Ни во имя земли, ни во имя семьи, ни во имя светлого будущего. Даже ради будущего их богатств. Отправили нас.

– Мы сами вызвались.

– Нас пичкали красивыми словами о свободе псковской земли. Свободе от кого? От кого угодно, но только не от них. И время от времени, в перерывах между оргиями, они наблюдают в тепле и в удобствах, чем всё закончится.

– Есть другие предложения?

– Есть мысли в голове. Они задают вопросы. В том ли направлении тащимся? Туда ли направили оружие? Там ли находится настоящий враг? За купцов, бояр и ростовщиков ты людей не поднимешь на войну.

– Думай о семье. Посекут их. Кто бы с кем ни разбирался наверху.

– С прошлого раза не у всех остались семьи. Знатные собачатся промеж себя. Да и путь бы. Но люди мрут. А эти подрались, сели за один стол, выпили да помирились. Сука, и живут себе! Неплохо так живут. А у меня никого не осталось. Теперь я женат на мести.

– И кому мстишь?

– Кому-нибудь.

Рогдар резко остановился, всмотрелся в силуэты, мерцающие во мгле, насторожился. Войска князя Буридея, ушедшие вперед, вдруг остановились, возникла суета. Рогдар ускорил шаг, услышал вскрики, ругань, стальной скрежет.

И вдруг оторопел.

Варяжские корабли, являясь из тумана, зарывались носами в рыхлый берег. Свирепая северная рать посыпала из них, как зерно. Беглецы, изгои, неудачники, которые сбежали из родной земли, где им не было места. Потому они были злее тех, кто остался дома.

Бешеной ордой они накинулись на княжеские дружины.

Рогдар схватился за топор. Кинулся на помощь, и псковская сотня тараном врубилась в строй варягов, раскрошив его, словно гнилой пень. Одуревшие топоры обрушились на них осиным роем, и кровь, разлетаясь горячими всполохами, полилась багровым ливнем, смешиваясь со скользкой грязью в единую массу.

Алое марево вздымалось баннным паром над полем боя. Деревянное крошево от раздробленных щитов и рукоятей сыпало градом щепок. Люди рубили, резали, протыкали друг друга, грызли глотки и рвали лица искореженными пальцами, схваченными спазмом злобы. Шлемы с искрами разлетались на куски, палицы разбивали головы, злая давка стискивала до смерти. Звериное рычание и вопли сотрясали застывшую округу.

Одуревший от мясорубки, Рогдар крошил сбитым топором всё без разбора. Его щит разбился, повис в руке раскуроченным ошметком. Сбросив его, Рогдар перехватил топор в обе руки и принялся без остановки рубить, пока древко не сломилось. Нанес несколько ударов обломленным древком, прежде чем понял, что топор сломан. Не сумев вовремя выхватить боевой нож, он вцепился руками в горло противника, замахнувшегося на него палицей.

– Свои!!! Свои!!! – завопил ошарашенный парень, выкатив покрасневшие глаза.

Сквозь грохот и рев истошный вопль мальчишки не пробивался до ушей Рогдара. Мгновение они смотрели друг на друга безумными глазами. Белесый паренек, глядя в схваченное яростной гримасой лицо Рогдара, залитое кровью и грязью, даже не понял, что перед ним стоит его сотник. Принял за своего лишь по одежде.

Рогдар отпихнул мальчишку и выхватил боевой нож. Озверевший варяг в это же мгновение сшиб его с ног, навалился всем весом, придавил к земле. Впервые видел Рогдара, но решительно намеревался его убить.

Кто-то перевернулся через них и с грохотом врезался в землю, разбрызгивая грязь.

Навалившийся на Рогдара воин обеими руками занес над его лицом топор. Рогдар вогнал нож ему под ребра. Ошалевшего варяга, охваченный боевым ражем, не почувствовал боли. Он с яростным воплем обрушил топор. Рогдар перехватил его предплечья, блокируя удар. Но варяг с бешеным возмущением вырвал их из хватки сотника и с еще больше злобой ударил. Рогдар снова перехватил его руки, варяг никак не унимался. Когда он в очередной раз замахнулся, Рогдар выдернул из его туловища нож и с размаху вогнал ему в шею. Кто-то врезался в него щитом, сбросив с Рогдара.

Ошалевший, Рогдар вскочил на ноги, схватив топор убитого варяга, и встряхнул измазанной в грязи головой. Ворочая одуревшими глазами, пытался разобраться в сложившемся ходе битвы.

Повел залитым кровью взором кругом. Опыяненное сознание, надорвавшись от напряжения, видело в происходящем нечто жуткое и прекрасное. Битва завораживала, словно течение реки. Люди тонули в беспорядочной толпе, как песчинки в муравейнике. Всё личностное, что было в них, бесследно испарилось. Среди марева звериной сечи в голове не мелькало ни единой мысли.

Рогдар осекся. Ниже по реке из драккаров высаживался отряд волкоголовых. Одурманенные и осатаневшие от ярости, они бросились в спину ратей князя Буривоя.

Рогдар кричал. Но его не слышали. Он надрывно вопил, срывая голос до утробной хрипоты, но не слышал даже самого себя. Волкоголовые, оголенные по пояс, набросились на словенские дружины. Строй сломался и рассыпался, как песок.

Рогдар обернулся и застыл. На них клубящейся лавиной катился ревущий отряд варягов. Они сшибли с ног первые ряды и задавили их ногами, пробираясь к остальным.

Что-то ужалило в висок.

Тьма окутала его и утянула в бездонную пустоту.

Они вторгались неожиданно, неся наперевес топоры, которыми строили свой новый мир. Отчаяние – лучший поводырь в чужих руках. И потому никто не заберет их отработанные тела, выброшенные на свалку бесконечной бойни.

Рогдар открыл слипшиеся от крови глаза. Над ним лениво тянулось махровое полотнище облаков, налитых чернотой. Хрипящие вороны кружили в небе праздный хоровод.

Свирепая боль скреблась в черепе зубилом. Продрогший от холода, Рогдар вдумчиво пошевелил ногами, согнул и разогнул пальцы на руках, убеждаясь, что не искалечен. Старая и уже машинальная привычка. Попытался встать, но что-то давило к земле.

На нем лежал массивный труп варяга. Натужно кряхтя, скрипя зубами, Рогдар постарался свалить его – не вышло. Попытался вновь, натужно исторгая остатки сил, покрылся испариной и наконец выбрался из-под мертвого тела.

Отдышался, встал и осмотрелся. Мертвые уродливым ковром устлали поле боя. Подоспевший заморозок посеребрил погибших сединой инея. Рогдар напряженно вслушивался, пытаясь различить в мертвой тишине хотя бы стон.

Три тысячи безмолвно лежащих тел.

Скорбно взглянул на мертвое лицо мальчишки, в стеклянных глазах которого застыл испуг. Провел по его лицу рукой, чтобы закрыть пустые глаза. Пушок под носом мальчишки побелел от седой изморози. На его бездыханном теле лежал забитый топором варяг. Рогдар с натугой стянул его за ногу с тела мальчишки. Труп неуклюже перевернулся, и с головы свалился старый шлем с полумаской, открыв лицо.

Покоробленная сединой борода, слипшаяся от грязи, глубокие морщины, застывшие в ужасе глаза. Несмотря на всю суровость его лица, закаленного боями, в мертвой гримасе крылось нечто жалобное, он умолял смерть сжалиться над ним.

«Говорят, самый худший враг – это человек, которого никогда не видел в глаза».

Он рыскал по вымощенному трупами полю, пытаясь отыскать словенского князя. Перекадывал тяжелые тела, разгребал завалы, оставшиеся после звериной давки. Отгонял волков и воронов, обожравшихся обильным пиром. В голове крутилась назойливая мысль: битва случилась только ради того, чтобы накормить дикое зверье до отвала.

Чтобы перевести дыхание и набраться сил, ему приходилось садиться на чей-нибудь труп, и каждый раз он посылал самые смрадные проклятия всем войнам, которые были и которые еще будут.

Спустя время от изобилия мертвых тел в глазах появилась мутная рябь. Когда на поле боя опустились серые сумерки, Рогдар перестал различать тела соратников и чужаков. Опыяненный царившим вокруг черным духом, он на мгновение забыл, почему случилась эта битва и для чего обе стороны проливали кровь.

К ночи отыскал князя. Мокрые волосы смешались с грязью, однако благородное лицо оставалось чистым, глаза умиротворенно прикрыты. Рогдар осторожно тронул его за плечо, но Буриной не проснулся.

Задубевшая рука князя крепко сжимала старый меч. Рогдар с трудом разжал его пальцы, снял с пояса ножны и вогнал в них меч. Спотыкаясь и скользя по мертвым телам, покрытым ночной пеленой, побрел прочь с поля сечи.

Ни одна волчья стая не последовала за ним.

Никто не ожидал столь скорого появления человека вроде него.

Пьяный ветер шатался по вечерним улицам Холмгорода, стучался в затворенные ставни, гнал случайных прохожих и уныло завывал в соломенных крышах. Одиноким человек, завернувшийся в черный шерстяной плащ и надвинувший на голову глубокий капюшон, пересек город и поднялся на холм, на котором серой громадой стоял княжеский терем.

– Нужно поговорить с князем Гостомыслом, – сказал черный человек стражнику, стоявшему у ворот в княжеский двор.

– Что за дело?

– Дело – гибель его сына.

– Иди отсюда. Его сын сейчас на полпути в Ладогу.

Рогдар достал из-под запахнутого плаща меч в узорчатых ножнах, испещренных золотом и серебром. Взглянув на родовую печать, выщербленную на оголовье меча, стражник кивком велел следовать за ним и провел в княжеский терем. Они вошли в просторный зал. Рогдар присел возле горячей печи, пригрелся, ощутил, как тепло ласково пробирается в озябшие руки.

– Мне помощь нужна.

Стражник позвал служанку. Она безмолвно осмотрела рану на голове Рогдара и осторожно промыла ее влажным теплым полотенцем.

Наблюдал за ней. Милая, нежная, с наивными глазами и окропленным веснушками лицом. Из-под льняной косынки выбивались соломенные волосы, отливающие золотистой рябью в свете сонных лучин, что горели на столе.

– Тебе действительно не больно? – спросила она. – Или терпишь?

– Терплю.

Она смазала рану живицей, затем обработала густым слоем барсучьего жира. От нее исходил мягкий аромат пропаренной хвои и душистых трав.

Она пахла домом.

– Где ты научилась врачевать?

– Нилина. Меня зовут Нилина. И врачевать я нигде не училась. Здесь ничего сложного.

– Ты делаешь это с душой, Нилина.

– Поэтому ничего сложного. Не шевели головой.

– Не буду.

– Тебе повезло. – Вытерла руки от барсучьего жира. – Я бы настояла на том, что тебе нужно отлежаться пару-тройку деньков. Но не знаю, примет ли тебя Гостомысл. Если хочешь, могу с ним поговорить. Согласится – поставлю тебя на ноги быстро и безболезненно.

– Я спешу домой.

– Ну и спеши. Хотя на твоём бы месте я отлежалась. Кстати, а кто это тебя так?

– Варяги.

– Так откуда ж ты пришел? У нас ведь здесь нет варягов.

– Это сделали варяги из Ладоги.

– Погоди-ка... – Она нахмурилась, застыла. – Так ты, получается, из войска Северного союза?

Глядя в ее растерянные глаза, Рогдар мрачно кивнул. Она медленно осела, схватившись за рот.

– Ты видел там Любора? – Заговорила быстро, взволнованно, цепко схватив Рогдара за руки. – Не высокий такой... в кольчуге был... и шапка... шапка из лисьего меха... с хвостом такая... он жив?

Молча и мрачно смотрел на нее. На каменном и напряженным лице его чернела холодная тень. Нилина застыла, дыхание оборвалось. Сдержанно всхлипывая, осой выскочила во двор.

В зал спустился князь. Крепкий и высокий, как дуб, он ступал громко, важно, словно утверждал что-то каждым шагом. Возраст оставил налет седины на длинных волосах. Густая борода до груди скрывала несколько глубоких рубцов, которые раньше являлись предметом гордости, уважения к себе, однако ныне оставались лишь бледным напоминанием о наивности прошлого. Время его безвозвратно уходило.

– Как тебя зовут?

– Рогдар. – Подошел к Гостомыслу и протянул ему меч Буривая. Князь принял его и слегка вытащил из ножен.

– Да, это меч моего сына, – кинул он, резким движением вогнав клинок обратно в ножны.

– Хороший меч.

– Хороша рука, которая им владела. Сам по себе меч этот ничего не значит.

Присели. Гостомысл налил в кружку медовуху, протянул Рогдару. Сотник принял угощение, жадно отпил, громко сглатывая и стуча краешком кружки по зубам. Рука Рогдара мелко дрожала, тряслась. Не от холода и не от страха.

– Как это произошло? – Гостомысл налил себе.

– Нас опередили. – Рогдар отдышался, утер от сладости медовухи губы и бороду. – Застали врасплох. Мы должны были подойти к деревне Падёнке, чтобы соединиться там с белоозерскими войсками. Варяги перехватили нас с Волхова еще на марше. Кажется, нас они тоже не ожидали встретить. Хольгер, сука, решил действовать на опережение. Мы вступили в бой, стали оттеснять их, а потом к ним подошло подкрепление. Я получил по башке, очнулся – вокруг все мертвые.

– Я верю тебе. Твоя рана скорее говорит о твоей храбрости, чем о твоей трусости. Расскажи мне о своей семье.

Рогдар недоуменно уставился на него. Гостомысл приподнял брови, безмолвно повторяя просьбу.

– В Пскове меня ждет жена. У нас небольшой дом. Она разводит кур – очень любит их. Не знаю почему, но управляется с ними неважно – боится и никогда не замечает, что они оказываются у нее под ногами. Надеюсь, они все целы, пока меня не было. Забавно: она часто просила меня постоять рядом, когда их кормила. И очень вкусно готовит, с душой, вообще любит покормить.

Гостомысл слушал внимательно и едва улыбался, наблюдая, как загорелись глаза Рогдара. Тяжелый налет войны смылся с него воспоминаниями о семье. Князь вдруг поймал себя на мысли, что завидует Рогдару.

– Как ее зовут?

– Каля.

– Красивое имя. Ради такой женщины стоит жить. – Гостомысл тяжело вздохнул и хмурыми глазами посмотрел куда-то в сторону. – Полторы тысячи, Рогдар. Полторы тысячи жен, отцов и матерей уже не дождутся своих.

– Мы знали, на что идем.

– Кстати, об этом. Почему псковский кривич встал на сторону словенской земли?

– Да понятно было, что Хольгеру мало одной словенской земли. Ярмо дани и грабежи – дело времени. Не остановим их в Ладоге – они будут здесь. Не остановим здесь – будут в Пскове. А у меня семья.

Гостомысл молча кивнул.

– Хорошо, – тихо сказал он. – Я рад, что смерть обошла тебя стороной. За твой труд и за возвращенный меч я хочу тебя отблагодарить.

Гостомысл пригласил Рогдара следовать за ним. Вышли на улицу, пересекли двор и оказались в конюшне. Князь подвел Рогдара к стойлу гнедого жеребца.

– Это Сивка, – сказал Гостомысл, ласково погладив коня по гриве. – Теперь он твой.

– Это слишком дорогой дар за столь малые труды.

– Не тебе оценивать свой труд. Пусть теперь послужит тебе и побыстрее доставит тебя к жене – домой.

С заднего двора прорезался истошный вопль. Кричала женщина, отчаянно, надрывно, и скрежет ее голоса звенел холодным ужасом. Гостомысл и Рогдар стремительно пересекли двор.

Нилина, измазанная в крови, лежала на земле, глядя остекленевшими глазами в хмурое небо. Возле нее на коленках сидела другая служанка, прижимая к ее перерезанному горлу руку. Пыталась остановить кровь.

Перепуганная до бледноты, девушка подняла на Гостомысла мокрые глаза. Князь тяжело вздохнул, проведя по мрачному лицу ладонью. В руке Нилины лежал окровавленный нож.

Утром Гостомысл не успел попрощаться с Рогдаром. Во двор въехал малый конный отряд из дюжины вооруженных всадников. Двое ведущих устало спешили, осмотрелись опытным взглядом. Один из них неспешно подступил к крыльцу, оглядывая князя тяжелым взглядом глубоких глаз – злых, подозрительных, с едким прищуром. Грязными ногтями поскреб жесткую бороду, поросшую по осунувшемуся лицу.

– Ты Гостомысл?

– Кто спрашивает?

– Кнуд. Я посол мира. Это Торн. – Указал он на крепкого варяга, глядевшего на князя исподлобья медвежьими глазами. – Он сборщик податей.

– Я податей не плачу.

– Об этом и потолкуем, – утробным голосом пробубнил Торн сквозь густую бороду и стянул шапку с коротко стриженной головы.

– Мы от конунга Хольгера, – любезным тоном пояснил Кнуд и слабо растянул губы в искусственной улыбке. – Нужно обсудить случившееся недоразумение на Волхове.

Застонал больной ветер, нагоняя на Холмгород налитые тучи. Мгновение князь и посол смотрели друг другу в глаза. Наконец Гостомысл кратко кивнул, задумчиво опустил потухший взгляд: скрыл мелькнувшую в них безысходность.

Кнуд поднялся на крыльцо. Проходя мимо Рогдара, мельком глянул в глаза. В усталом взгляде варяга тускло поблескивала волчья тоска: его оторвали поручением от дома. В легком, осторожном шаге виднелись навыки охотника.

Торн ступал шумно, медленно, степенно. Он по-медвежьему раскачивался, его глаза, блестящие под массивными надбровными дугами, давили недобрый взглядом. Он держал широкую ладонь на оголовье каролингского меча.

Войдя в княжеский терем, они затворили за собой дверь.

С рыхлого неба сорвался плаксивый дождь, постукивая по деревянной черепице княжеского терема. Потянуло сквозящим холодом.

Рогдар спешно покинул Холмгород. Едя верхом по дороге, ведущей в Псков, несколько раз обернулся, чтобы взглянуть на дым кострища, на котором ранним утром сожгли тело Нилины. Далекий отголосок минувшей битвы ударил по ней, как варяжский меч.

Из всех последних событий вынес одно лишь заключение: люди рождаются, чтобы умереть на войне, и если она их обошла стороной – значит, что-то пошло не так.

Рогдар опустил голову, надвинув капюшон.

Бревенчатая изба стояла в ухоженном дворе, огражденном старым плетнем. В красных оконцах сквозь мутную слюду виднелись кружевные занавеси. Их узор напоминал хрустальную изморозь на стеклах. Соломенная крыша золотилась в теплых лучах осеннего солнца, зависшего на очищенном небесном куполе. Беленые стены сияли снежной чистотой.

Она бочком отворила дверь, держа в руках деревянный таз, который выволокла во двор и неуклюже выплеснула воду. Куры с возмущенным кудахтаньем разбежались по двору.

– Ой... – Она провела рукой по открытому лбу, убирая с лица витиеватый русский локон.

Свежий осенний ветер легонько подул, обтягивая вокруг ее стройной фигуры бежевую подпоясанную рубаху, расшитую на воротнике и рукавах славянскими узорами.

Рогдар вошел во двор, ведя коня за узду. Подняла на него голубые глаза, выронила таз и спущенной стрелой бросилась к нему. Теплыми руками обхватила его шею, губами быстро касалась его щек, бороды, носа и глаз. Жадно прижималась к нему, висла на нем и быстро дышала, удерживая накатившие слезы.

– Вернулся! Вернулся, мой хороший! Родной мой! Любимый мой! Живой! Родненький, живой!

На мгновение отстранилась от него, бегло осмотрела и, радостно пискнув, вновь прижалась, ненасытно сжимая его нежными руками.

– Познакомься, Каля. Это Сивка.

– Ой, а где же ты коня раздобыл?

– Гостомысл подарил.

Она вновь прижалась к Рогдару, повисла на шее.

– Как же я рада! Как я рада! Ой... а что это у тебя? – Нахмурилась, осторожно прикоснувшись пальцами к его виску.

Рогдар махнул головой.

– Не обращай внимания.

– Кошмар! – воскликнула она, жалобно изогнув брови.

– Не выдумывай.

Каля утянула его за руку в дом, усадила за стол и живо засуетилась возле печи. Устало подпирая рукой подбородок, Рогдар наблюдал за ней. Она хлопотала среди чистоты, порядка и уюта. Быстро и ловко что-то переставляла, разогревала в натопленной печи и ставила на стол всё, чем можно накормить.

На радостях забыла спросить, чем закончился их поход.

– Ну, кушай, родной.

– А ты?

– Я поела.

Не притронулся к еде. Привлек Калю к себе и прижался головой к ее животу. Она вплела ласковые пальцы в его волосы.

– Ты дрожишь, – сказал он. – Тебе холодно?

– Нет. Просто...

– Скажи.

– Нет-нет, всё хорошо... – В ее голосе мелькала неважно скрытая тревога. По щекам потекли хрупкие бусинки слез, которые срывались вниз и путались в его волосах. – Всё хорошо, Рогдар...

День ушел на покой. Сумерки заполнили тихий Псков серой пеленой, и в уютных оконцах загорелись тусклые огоньки лучин. По улицам прокатился вечерний лай собак, которые вскоре умолкли и разбрелись по будкам. Из соснового бора слышался унылый вой одинокого волка.

Обнявшись, они засыпали под теплой шкурой. Прижимаясь к Рогдару, Каля боролась с настойчивым сном, который заволакивал сознание, словно туман. Сквозь мирную дремоту жала пальцами его шершавую ладонь. Держалась за нее, чтобы он никуда не ушел вновь.

– Рогдар?

– М?

– Ты здесь?

– Я рядом.

Умиrotворенно вздохнула и улыбнулась сквозь сон: его пальцы легонько гладили ее волосы.

Заря еще не проступила, когда он проснулся. Рогдар осторожно поднялся, сел на край лежанки и тревожно взглянул на Калю. Свернувшись калачиком, она тихо дышала, объята мирным сном.

Она спала, ничего не зная про послов Хольгера, явившихся к Гостомыслу. Рогдар закрывал глаза и вздрагивал, видя их лица. Сон к нему больше не вернулся.

До самого утра Рогдар не сводил с жены смятенный взгляд.

– О чём они договорились?

Псковский князь Избор сидел во главе стола, за которым собрались бояре, купцы и ростовщики. Угрюмые лица неотрывно смотрели на сидевшего подле князя Рогдара.

– Не знаю, – спокойно ответил он. – Но варяги не договариваться пришли. Они пришли требовать.

– Мы ж не знаем, что ответил им Гостомysl, – возразил кто-то из бояр.

– А что он мог им ответить? – хмыкнул Рогдар.

– Рогдар прав, – кивнул Избор. – Князь Буриовой пал со всей ратью. Теперь Гостомыслу нечего противопоставить варягам.

– А Белоозеро?

– Мы не знаем, что стало с белоозерским войском. Даже если оно уцелело, меряне не станут биться за независимость словенской земли. Теперь после распада союза у них одна забота – не пустить карательные банды на свою землю.

– Меня сейчас меньше всего заботит участь мерян, – сказал один из бояр. – Варяги явятся сюда и потребуют с нас дань. Что мы им противопоставим?

Зал наполнился роем людских голосов. Князь Избор медленно встал из-за стола и, опираясь на резную трость, подошел к окну, сильно прихрамывая на правую ногу. Задумчиво смотрел сквозь мутную слюду. Стиснув зубы, грубо, озлобленно, с ненавистью провел рукой по больной ноге.

Вдруг стукнул тростью, обрубая нарастающий шум.

– Сколько мы сможем выставить людей против Хольгера? – спросил он, повернувшись к столу. – Сотню? Две? И это в лучшем случае.

– Но если собрать ополчение и пополнить его за счет окрестных деревень и сел, то мы сможем выставить...

– И что это решит?

В зале повисло напряженное молчание. Купцы, бояре и ростовщики напряженно размышляли, перешептывались, советовались. Рогдар с отвращением поморщился: решение проблемы пытались найти люди, которые разбирались в этом меньше всего.

– Нет, разумеется, я уверен в силе наших мужиков. Но! Одно дело, когда человек всю жизнь работал сохой в поле. И совершенно другое, когда он всю жизнь работал мечом в набегах. Чувствуете разницу между этими двумя?

– У нас есть боевой дух, – вмешался Рогдар. – Люди понимают, за что будут биться. А варяг пришел грабить. Для него собственная шкура дороже прихоти хозяина. Варяг рисковать не станет.

– Боевой дух наших ополченцев я ставлю выше любой рати. Но ни в количестве, ни в качестве мы войско Хольгера уже не превзойдем. И это понимают все. В том числе и наши ополченцы, боевой дух которых зависит как от качества, так и от количества.

– У нас один выход, князь, – подытожил один из ростовщиков. – Платить варягам дань.

Рогдар не выдержал, вспыхнул, багровея от злости:

– Сука, мать твою! Слушаю вас – блевать охота! Пока вы здесь жопы грели, мы подышали в крови, грязи и дерьме. Теперь, когда некому стало защищать ваше имущество, вы решили откупиться. Продаться варягам с потрохами. У вас не было средств, чтобы снабдить оружием наших воинов. А теперь вдруг выясняется, что средства есть для откупа. Может, тогда сами дадите Хольгеру бой?

– За подобную разговорню можно и без башки остаться.

– И кто тогда будет ваши жопы оберегать?

– Найдутся умельцы. Ты не один такой.

– Правду говорят про людскую память. – Рогдар презрительно скривился. – Люди забывают, кому они обязаны миром. Вместо благодарности выливают на тебя ушат дерьма. Далеко пойдете.

Избор выпрямился, окинул взглядом шумный совет, вновь постучал тростью, призывая к тишине. Оживленный спор угас.

– Платить варягам, – сказал Избор, – это немисливо. Это унижительно. Варяжская дань – это бескровный грабеж. Это ярмо, которое не даст нам поднять головы. Ярмо, которое не позволит даже мечтать о собственном войске. А без войска ярмо не сбросить.

– Так что же это получается? Смерть, что ли, лучше?

– Если согласимся платить – наши люди умрут не от мечей, а от каторги, на которую их обрекут. Им придется не разгибать спины, чтобы расплатиться с варягами за право быть.

– Войска у нас нет. Помощи ждать не от кого. Платить мы варягам тоже не можем. Что же тогда остается? Бежать?

– Призовем варяжский отряд на защиту Пскова.

Зал беспокойно загудел.

– При всём уважении, князь, но не безумие ли супротив варягов звать варягов?

– Клин клином вышибают.

– Но варяг варягу глаз не выбьет.

– Варяг – это наемник. Ему нет дела до того, кому выбивать глаз – своему или чужому.

Вопрос лишь в цене.

– Именно! – воскликнул купец. – Варяги за дешево не нанимаются.

– Разумеется. Никто не станет драть собственную шкуру за чужое будущее просто так.

Вы бы стали?

В зале духотой повисла тишина.

– А теперь, – наконец сказал один из купцов, – давайте прикинем. Сколько нам будет это стоить? Варяги, обычно, просят гривну на человека. Чтобы отбиться от Хольгера на первый раз нам понадобится хотя бы сотни две людей.

Рогдар хмыкнул: человек, не ведший ни одного боя, не руководивший ни одной обороной и узнающий о войнах только из уст гонцов, рассуждал с важностью полководца. Однако не понимал, почему при этом князь Избор покорно молчал.

– Сколько может потребовать Хольгер? – оживились ростовщики.

– Больше. Значительно больше. Причем на долгосрочной основе.

– Отказ означает войну. – Купец внушительно смотрел на собравшихся. – Расходы увеличатся. Ополчение надобно снабдить, ущербы после погромов покрыть. Во сколько нам это выльется? При этом не забывайте: с Хольгером в будущем можно будет заключать выгодные сделки.

Рогдар побледнел от злобы.

– Что мы поймеем с этой войны?

– Всё. – Избор задумчиво смотрел куда-то в сторону. – Есть ли у кого из вас залог под то, что Хольгер не спихнет вас с ваших теплых мест или ограничит ваш произвол?

– Князь, я попрошу впредь подобные выражения...

– Кого мы обманываем? – Равнодушно взглянул на купцов. – Давайте называть вещи своими именами. Оставим красивые слова для черни. Так ответьте мне: кто из вас может дать залог под то, что варяжские купцы и ростовщики не захотят занять ваше место?

Спорить никто не стал – вопрос решился тут же.

Она вошла в княжеский зал поступью волчицы, оставив у стражей поношенный меч, топор, боевой и засапожный ножи и кнут. Ее голову покрывала волчья голова, из-под которой двумя косами ниспадали волосы, стянуты на концах бусинами с руническим орнаментом. Стройные крепкие голени обтянуты онучами, кожаные сапоги на меху, плотные мужские штаны и серая волчья шкура на плечах.

Избор присмотрелся к ней. Она обладала женственными, девичьими чертами лица, у нее был аккуратный нос и стройная фигура. О воинах, что носили волчьи головы, ходили недобрые слухи.

Князь сел во главу стола и жестом руки предложил присесть ей. Она отказалась.

– Значит, мои люди верно меня известили? Ты хочешь служить Пскову?

– Вернее некуда, – ответила она, неотрывно глядя на князя немигающими глазами, которые выделялись дикой молочной белизной на фоне черной линии, проходящей через брови, веки и переносицу. – Я и мои викинги готовы защищать псковскую землю.

– Как тебя зовут?

– Исгерд.

– Сколько у тебя людей, Исгерд?

– Сто двадцать семь воинов.

– Надо же. И какую же плату сто двадцать семь воинов и ты хотите за свою помощь псковской земле?

– Эйрир каждому человеку.

– Ну, полгривны на брата не так уж и много. Но женщина, извини меня, не внушает мне доверия. Как воевода, разумеется.

Она спокойно и невозмутимо смотрела на него немигающими глазами, в которых сидело нечто острое, осиное. Она поджимала нижнюю губу, напряженную, как струна.

– Я ульфхеднар, конунг, а не теремная девица.

– Да, я слышан о волкоголовых. Но я ни разу не слышал, чтобы среди них были женщины.

– Это звание не дается за красивые глазки. И если я ношу волчью голову, может, я действительно чего-то стою?

– Возможно.

– Послушай меня, конунг. Я возглавляю этих людей уже пять лет. И это право не раз пытались оспорить. Попытки эти кончались всегда одинаково.

– Верю, раз уж ты здесь.

– Я и мои люди служили трем конунгам. Мы состояли на службе у византийского императора и отбили нападение хазар на Киев. К тому же я была на службе у конунга Хольгера.

– Но теперь тебе придется сражаться против него.

– Это единственная причина, по которой я здесь.

– Объясни.

– У меня давние счеты с ним. Я хорошо знаю Хольгера: его повадки, его страхи... Я знаю, как он ведет войну, какие приемы он избирает. Я знаю, как ему противостоять.

– Убедительно ты говоришь, Исгерд. Но я ничего не слышал ни о тебе, ни о твоих людях. И в сложившемся положении я не могу ошибиться, ибо ошибка эта будет стоить нам великих бед. Ты себе можешь это вообразить?

Помолчала, ни разу не моргнув. Избор заметил в ее зеленых глазах красные прожилки, косы ее были пропитаны черной краской.

– Почему ты рассорилась с Хольгером?

– Это имеет значение?

– Должен я знать, отчего ты ему хочешь мстить, или не должен?

– А отчего еще женщина может мстить мужчине?

– Ты мне скажи.

– Я служила ему. Была его преданной псиной. А он использовал меня. Всегда использовал. Использовал и выбросил, как мусор. Если бы не я, он бы никогда не достиг того, что имеет.

– Месть слепа. А мне нужна зрячая помощь.

– Прошла неделя. Целая неделя прошла с тех пор, как я узнала, что псковские кривичи призывают на помощь. Сколько за это время к вам пришло наемников?

– Ни одного.

– И ни один не явится. – На ее тонких губах мелькнула ухмылка, глаза слегка расширились, загорелись, заблестели, но ни разу не моргнули. – Никто не откликнется на ваш зов о помощи. Против Хольгера никто не пойдет. Его боятся. И его сторона выгоднее. Так что думай, конунг, и решай поскорее, потому что времени у вас уже нет.

Они вошли в город вместе с туманом. Угрюмые, суровые, крепко сбитые, наемники тащили на себе мечи и щиты, направляясь в детинец. Шли неспешно, молча, сосредоточенно просматривая город изнутри. От них веяло холодным севером.

Рогдар вдумчиво наблюдал за ними. В глазах его мелькало смутное сомнение, подозрительность, недоверие. Они переговаривались на чужом языке, обмениваясь короткими фразами. Обветренные холодом лица наемников не внушали доверия. В их равнодушных спокойных глазах – лишь хладнокровие. Совершенное безразличие и непробиваемое безучастие.

Они расположились и предались безделью. Рогдар вслушивался в их речь. На любой вопрос не сразу следовал ответ: отвечающий вдумчиво, осторожно взвешивал свои слова, словно ходил по лезвию бритвы. Когда принесли похлебку с мясом, они набросились на еду. Ели несколько обособленно, быстро, плохо прожевывая, глотали большими кусками, давились и спешили, будто кто-то мог отобрать у них последний обед.

Заметив Рогдара, Исгерд окликнула его.

– Эй! Чего смотришь? Нравлюсь что ли?

Наемники разразились удушливым смехом. Рогдар молча смотрел ей в лукавые глаза, и она с издевкой усмехалась. Вдруг подмигнула ему и поманила рукой.

– Пойдешь со мной? – игриво спросила она и пошлепала себя по бедру.

Варяги покатались со смеху. Искерда швырнула миску с остатками похлебки в одного из них, пресекая бурное веселье.

Рогдар молча ушел.

Над городом, плавающая в чернеющих небесах, кружил вороний рой, перебиваемый порывами холодного ветра. Назойливая морось оседала на оживленные улицы, по которым носились ватаги беззаботных детей.

– Баран ты, князь... – процедил Рогдар сквозь зубы. – Тупой ты баран...

– Не рановато ты взялась?

Каля сидела за ткацким станком и неспешно ткала грубую парусину. К исходу зимы она продаст ее корабельщикам, которые начнут строить новые ладьи накануне открытия рек ото льда. И тогда ладьи начнут грузить накопленными за зиму товарами, начнется повсеместный сплав.

– Решила пораньше начать. Тогда к исходу зимы смогу сделать аж триста локтей ткани. Как раз хватит на два паруса. Да, кстати, чуть не забыла... У нас с тобой лялька будет.

Его рука дрогнула. Он выронил глиняную кружку, она вдребезги разлетелась, разбрызгивая молоко. Белые струйки медленно растеклись по деревянному полу, проникая в мелкие щели.

Рогдар напряженно молчал, не поворачиваясь к жене.

Они жили вместе с того дня, как встретились. Ободранная, разбитая, уже не способная плакать, она бесцельно бродила среди пожарища сожженной деревни. Соседний князь отомстил князю местному, спалив несколько деревень. Их жители даже не успели понять, что происходит. Не знали ничего и о природе конфликта между князьями. Не знали о его существовании.

В руке она держала порванную тряпичную куклу – единственное, что осталось от дома. Единственное, что осталось от матери, сделавшей эту куклу.

Они столкнулись на окраине. Он всё прочитал по ее глазам. Слова не имели значения. Он и она сидели на поляне и молчали о многом. Не говоря ни единого слова, оба дали согласие на совместную жизнь: держаться друг за друга – яростно, отчаянно, бессрочно. Оба сироты, оба жертвы войны, оба навечно предоставленные сами себе.

Общая судьба скрепила узы, но не подарила плоды. Безрезультатно пытались зачать ребенка, но упорно оставались сами по себе.

С закрытыми глазами он прижался лицом к ее животу. Она пальцами гладила его по волосам и улыбалась.

– Это мальчик?

– Так откуда ж я знаю?

Открыл глаза и бережно провел ладонью по ее животу. Он смотрел в слюдяное окно, за которым во дворе бегают коротко подстриженный мальчишка, сжимая в руке деревянный меч. Рогдар подставляет ему трость, и мальчишка ловко бьет по ней деревянным мечом. Во дворе звенит веселый смех.

– Радим, смелее! – улыбаясь, говорит Рогдар.

Мальчишка наступает, бьет по трости деревянным мечом и заливисто смеется.

– Рогдар?..

Вздрыгнул, вернувшись из забытья.

– Это мальчик, я чувствую.

– Это мы еще посмотрим.

– Нет-нет, я уверен. Представляешь? Я никогда не был отцом.

– Хочешь, открою тебе секрет? Я никогда не была мамой. У меня это впервые. Представь себе.

– А ты уверена – да? Это же точно, что будет сын?

– Будет ребенок. Это точно. Либо мальчик, либо девочка. Третьего, как понимаешь, не дано. Если, конечно, это не двойня.

Тяжело вздохнул, опустил голову и отстранился от Кали. С ее лица сошла улыбка.

– Ты не рад – да?

– Нет, что ты... Я рад. Рад...

– Рогдар? Взгляни на меня. О-о, я хорошо знаю этот взгляд. Что тебя тревожит?

Сел на край лавки, стоящей у стола, облокотился на колени и потер ладони.

– Мир, в котором я живу, очень хрупкий.

– Что случилось?

Не ответил, пряча взгляд. До белизны сжимал жилистые кулаки, желая бежать на войну сейчас же, чтобы завтра она не ступила на порог их маленького дома.

– Рогдар? Тебе, наверное, было бы легче, если бы меня не было. Да?

– Глупая. Я за тебя умереть готов, а ты «было бы легче»...

– Можно тебя попросить? – шепнула она. – Никогда не говори о своей смерти. Даже намеками. Хорошо?

Черные, как смола, вороны кружили над княжеским теремом, плавая в чугунных тучах, нависших над городом. Хриплое карканье разносилось резким скрежетом по всему Пскову.

Варяги стояли боевым отрядом посреди княжеского двора. Сложив перед собой руки, Кнуд и Торн ожидали появления князя перед ступенями крыльца. Избор вышел к ним, окинул внимательным взглядом и жестом пригласил в терем.

За столом их ожидало псковское собрание. Равнодушно и хладнокровно огляделись, не представились, ни с кем не поздоровались. Молча сели за стол, не дожидаясь разрешения князя, и принялись за угощения. Бояре, купцы и ростовщики угрюмо наблюдали за ними.

Кнуд ел неспешно, аккуратно, то и дело вытирая рот и бороду от жирного мяса, долго и тщательно жевал. Торн жадно отхватывал большие куски, громко жевал и вытирал стекающий по рукам жир об засаленную одежду.

– Зачем приехали? – Избор внимательно разглядывал варягов.

Кнуд прервал трапезу. Торн, словно не услышав князя, продолжил есть.

– Приехали забрать подати.

– Подати?

– А что не так? Ты платишь конунгу Хольгеру и спокойно живешь дальше. Нам за услугу даешь пару-тройку перстней в качестве благодарности, чтобы мы не ошиблись при счете. И будь добр: мы сейчас доедим, а ты распорядись, чтобы нам показали, где твоя казна.

– Выплата податей, – сдержанно возразил князь, – подразумевает чего-то взамен. Что ваш князь может нам предложить?

– Да ничего.

– Ничего не стоит ничего.

– Послушай, ты! – Торн поднял на князя медвежьи глаза. – Плати Хольгеру дань, и тогда ничего не будет. Понимаешь? Ни-че-го. Откажешь – Хольгер отымеет здесь всё что движется. Затем ваших баб отымеет уже мы и продадим хазарам. Многие ваши конунги бахвалились смелостью. И где они теперь? Одни гниют в канавах, а другие лизут Хольгеру сапоги за право быть. Потому не трать мое время и собирай барахло.

– Хорошенько взвесь свои слова, варяг, – сухо предупредил Избор. – Ты говоришь не с равным тебе.

– Это точно. Я представляю Хольгера. А значит я здесь главный.

– Уважаемый конунг, – примирительно произнес Кнуд. – Давайте мы все будем разумными людьми. Зачем все эти жертвы? Разве не достаточно смертей, которые случились на Волхове?

– И это говорите вы мне?

– Послушай, – Кнуд прищурился, – я давно служу конунгу Хольгеру. Я хорошо знаю его. Давай пойдем по бескровному пути. Ты платишь дань, мы уходим и встречаемся через год. Все остаются живы и здоровы.

Избор сдержано рассмеялся.

– Ты сам-то понял что сказал, мальчик? У вас совсем башка не варит или вы дурочку разыгрываете?

Торн хмыкнул, качнул головой:

– Дурочку здесь разыгрываешь ты, если до сих пор не понял, что...

– Я тебя предупредил, варяг. Следи за своим паршивым ртом. Вы сидите за моим столом в окружении моих людей и жрете мою еду. Смелости набрались? Думаете, всё вам можно, если за спиной стоит бандит, возомнивший себя князем? Но здесь его нет. И вы одни.

– Ты что, конунг? – свел брови Торн. – Ты что – совсем тупой?

Дружинники вскочили, схватились за мечи, и стальной звон забряцал в зале. Варяги не шелохнулись: Кнуд спокойно смотрел на князя, а Торн – доедал мясо, мерзко чавкая. Избор примирительно поднял руки, успокаивая дружинников.

– Ты псов своих отзови, – произнес Торн, сдерживая отрыжку. – У Хольгера есть правило: за одного нашего он давит сотню ваших. Прольешь нашу кровь – убедишься воочию.

Неотрывно буря князя тяжелым взглядом, Торн медленно пережевывал мясо, играя желваками. Он сложил тяжелые руки на столе, наклонился немного вперед, словно намереваясь достать князя через стол.

– А теперь я тебе объясню, если ты до сих пор не понял. От тебя никто ничего не требует. Тебе просто объяснили, что ты должен и будешь платить северянам дань. Без вопросов и живенько.

– Послушай, конунг, – вмешался Кнуд. – Гостомысл теперь наш данник. Он больше вам не союзник. Он разумный человек: мы мирно поговорили, и он принял верное решение. Теперь земля его живет под мирным небом.

– И все счастливы – да?

По залу прокатился заразительный смешок.

– Довольно! – рыкнул Торн, резко поднявшись. – Надоело! Молитесь своим вшивым богам! Не хотите по-хорошему – будет по-плохому. Клянусь, Хольгер отбитый на всю башку человек! Он вас таким раком поставит – в жизнь не разогнетесь. Уходим! Мы зря тратим время.

– Конунг, прошу тебя, – взволнованно произнес Кнуд, удерживая Торна. – Если не хочешь слушать меня, так послушай хотя бы его. Если мы вернемся к Хольгеру с пустыми руками – это будет война. Хольгер страшный человек. Вы обречены – вам нечем ему будет ответить.

– Поразительно. Откуда у вас такая уверенность, что нам нечем ответить?

– Разве не ваши там на Волхове воняют на всю округу? – хмыкнул Торн.

– Воняют там ваши соратнички. Если конечно они вдруг не воскресли.

Кнуд тяжело вздохнул, качнув головой и на мгновение закрыв уставшие глаза.

– Я думаю, вам пора убираться отсюда вон, – велел Избор. – И да, кстати. Я прощаю вас за ваши слова. Но если кто-нибудь из вас окажется в моих землях – натяну жопой на кол. Предупреждаю, чтобы потом не было воплей.

– Не имея оружия, ты говоришь с вооруженным на равных.

– Истерд! – позвал Избор через плечо. – Подойди.

Она сидела в теневом углу зала, почти никем незамеченная, как затаившаяся волчица. Слушая их разговор, она спокойно ковыряла ножом ногти на пальцах. Подошла к столу, молча глядя на послов.

Торн и Кнуд мельком переглянулись.

– Видишь, варяг? – сказал Избор усмехаясь. – Я тоже вооружен.

Кнуд вдруг резко поднялся и похлопал Торна по плечу, поторапливая его.

– Всего хорошего, конунг. Берегите себя и родных.

На городском торжище бурлила суета. Просторная площадь шевелилась, словно встревоженный муравейник. Люди сновали от лавки к лавке, торговцы настырно призывали к покупке товаров, нагло дергали граждан за рукава, уговаривали и торговались.

Ведя коня за узду, Рогдар медленно пробирался через тесную толпу. Кто-то наступил ему на ногу, зацепил плечом и врезался, выпучив глаза от изумления.

Толпа давила, шумела, люди беспорядочно сновали, толкались и теснили. Окруженный человеческим роем, Рогдар вдруг остановился и напряженно застыл. Толпа ощетибилась топорами, яростно взревела и окунулась в лютую сечу.

Выхватил топор, покрывшись холодной испариной, сердце бросилось на ребра, взбесилось. Оглянулся: к нему приближались люди в скандинавских шлемах. Изготовился, но тут же осекся, пригляделся – не шлемы, но меховые шапки покрывали головы заморских купцов.

Не обратив внимания, они прошли мимо, оживленно говоря о чём-то своём. Вновь взглянул на торжище: люди всё так же ходили между лавками, вдумчиво рассматривали товары, суетились и толкались.

Дрожащей рукой спрятал топор, утер пот со лба. Люди тарачились на него, с опаской сторонились, спешили уйти и перешептывались, прятали взгляды.

Он добрался до пристани. Заговорил с одним купцом, они договорились, и Рогдар немного постоял с Сивкой, пока купец рылся в своем кошелье.

– Но, но, – ласково повторял Рогдар, глядя коня по гриве. – Не верти носом. Мне тоже это не нравится.

Сивка фыркнул.

– Держи, – сказал купец, протягивая ему три гривны.

Рогдар замешкался, взглянул на деньги, посмотрел на Сивку, затем оглядел купца и нерешительно протянул ему узду, забрал выручку.

– Ну... бывай... дружище, – тихо сказал Рогдар, похлопав Сивку по холке.

Чувствовал себя паршиво. Замешкавшись, он покинул пристань, обогнув буйное торжище, больше не рискнув оказаться в толпе.

Неспешно прошелся по улице, успокаиваясь. Руки после тесного торжища тряслись, как после битвы.

Миновал свой маленький двор и вошел в дом. Каля сидел у оконца и что-то вышивала на полотенце, тихо и заунывно напевая колыбельную. Рогдар достал из-за пазухи три гривны и положил рядом с ней.

Каля замерла и подняла на него изумленные глаза.

– С ума сойти... Это откуда столько?

Она осторожно и как-то опасливо дотронулась до новенькой серебряной гривны.

– В дровах нашел.

– Да ну тебя! Я же серьезно.

– Ну, какая разница? Принес и всё. Заработал.

– Да где же это ты заработал три гривны? – усмехнулась она. – Ты же на охоту еще даже не ходил. Шкур не продавал. Да за три гривны можно целого коня купить...

Каля вдруг осеклась, ахнула, живо подскочила к окну и глянула во двор.

– Сивка... Ты его продал – да? Ты продал Сивку?

– Да. Продал...

– Но зачем? – Ее жалобные глаза посеребрили слезы. – Это же Сивка!

– Сохрани эти гривны. Нам с тобой еще малыша на ноги ставить.

– Но ты же любил Сивку!

– Любил...

– На – забери. – Решительно всучила гривны обратно Рогдару. – Верни Сивку домой.

– Каля, я охотник, а не пахарь. Мне лошадь не нужна. Это лишний рот во дворе, который чем-то нужно кормить. Ты сама знаешь, какой выдался год.

– Да прокормили бы... – отмахнулась она. – Просто я видела, как ты заботаешься о нем. Да и сама к нему привыкла...

– Возьми. – Протянул ей гривны. – И сохрани. Пусть Сивка так послужит доброму делу и поможет поднять нашего малыша. Хорошо?

Каля грустно опустила голову, но взяла гривны.

– Не вешай носа.

Он устало присел, и вид его был потрепанный, истомленный.

– Ты не захворал ли?

– Я здоров. Просто устал.

– Нет, это не усталость. Я тебя хорошо знаю. Ты выглядел так же, когда вернулся из битвы под Долонью. И был таким же, когда вернулся с Волхова.

– Под Долонью всё было иначе.

– Иначе? Бессмысленная смерть там была. И только.

– Там она была бессмысленна иначе.

– А здесь?

– А здесь мы лили кровь за вас, Каля.

– И это, по-твоему, бессмысленно?

– Отмети мотивы. А затем взгляни на бойню со стороны. Столько сил брошено на разрушение: и ради чего? В пылу битвы ты не отличишь соратника от чужака. И в голове в это время нет ни единой мысли. Что тогда говорить о мотивах? Они есть только «до» и «после», но не «во время».

– Что стряслось? Ну, не молчи. Скажи мне, что с тобой творится?

– Не знаю. Меня преследует битва на Волхове. Я сегодня на торжище будто вновь оказался там. В шапках меховых шлемы варяжские увидел. За топор стал хвататься. Бред какой-то. Я столько всего прошел. А тут сломался...

– Займись охотой. Вернись к своему промыслу. Развейся и перестань думать о битве. Она прошла, закончилась, забыта.

Тяжело вздохнул и опустил голову. Он видел послов.

– Займись охотой, – спокойно повторила она. – Возьми кого-нибудь с собой, и заготовьте пушнины. Лес лечит. И труд тоже.

– Все охотники уже разошлись. Я опоздал.

– Тогда возьми с собой Малку.

– Отшельницу? – На его лице застыло изумление.

Он однажды видел ее. Дикарка стоит босиком и выглядывает из-за дерева. Лицо ее скрыто оленьим черепом, в глазных черных впадинах блестят ее вытарашенные глаза. Она резко наклоняет голову, как ворона, издавая тихий протяжный рык...

Помотал головой.

– О-о, нет, – повторил он. – Нет, это паршивая мысль.

В дремучей глубине соснового леса бродил туман. Он то лился молочной патокой на сырую землю, устеленную мягким ковром иголок, то путался в хвойных ветвях, на которых серебрились кристальные брызги минувшего дождя. Крепкие стволы, растущие из земли мочучими кольями, размеренно и задумчиво покачивались сквозь тонкий сон.

Едва заметная поросшая зарослями тропа извивалась среди деревьев и вела к ветхой землянке, сросшейся с природой в затихшей глубине. Землянка была старой, с просевшей крышей из пушистого дерна, с крохотным оконцем, затянутым воловьим пузырем, сквозь который пробивался тусклый одинокий свет.

Из давно развалившейся печной трубы курился сизый дымок, вздымаясь к хвойным кронам и умиротворенно растворяясь в них. Во дворике, неровно огороженном прогнившим плетнем, лежала груда дров. Вокруг по стволам деревьев висели обереги из костей животных, которыми глухо постукивал набредающий ветерок.

На колышке возле дряхлой двери, обтянутой облезлой шкурой, прикрывающей щели, висел посеревший человеческий череп. Должный отпугивать незваных гостей, он даже не встревожил Рогдара. Случайный путник мог подумать, что человек, которому когда-то принадлежал череп, сгинул здесь, встретившись с хозяином землянки. Но в глазницах и меж щерящихся зубов забита окаменевшая земля.

Оставалось гадать, где отшельница его откопала.

К землянке примыкала небольшая, неуклюжая, хлипкая пристройка, собранная из толстых веток и обмазанная обвалившейся глиной. Оттуда раздалось хоровое кудахтанье и возмущенный крик. Матерщина покатила эхом по округе.

Через лазейку выскочила рыжая лиса, крепко держа в клыках задавленного куренка. Испуганно пробуксовывая лапами, стрелой бросилась в лес. Вслед за ней из курятника выскочила девушка, растянула лук, прицелилась и задержала дыхание.

Рогдар перехватил ее, пальцы соскользнули с тетивы, стрела сорвалась и гудящей осой улетела в хвойник. Малка метнулась в сторону, оступилась и рухнула наземь, стала быстро отползать, уставившись на Рогдара распахнутыми глазами. В них светился дикий страх. Кожа отливала бледнотой.

– Тише, ты чего?

– Зараза... – прыснула она, озлобленно поджав губы. – Чуть не сдохла со страху...

Взглянула вслед умыкнувшей лисе.

– Вот зараза! – Стукнула кулаком в землю. – Ушла, сучка!

И уткнула в Рогдара пылающий злобой взгляд.

– Хрена ты мне помешал? Я бы ее грохнула, и...

– Потому и помешал.

– Вот и на кой ляд?

– Животное не виновато, что хочет есть.

– А я, значит, виновата, что эта сучка давит моих кур?

– Я этого не говорил.

– Нет, именно это ты и сказал.

– Зверя ведет голод, а не разум. Не губи напрасно.

– Да они же задолбали меня – сил никаких нет! – Она поднялась на ноги. – Зараза! Это уже третья курица за неделю! Не виновата, видите ли, рыжая сучка, что жрать хочет! А я виновата, что тоже жрать хочу?

Она отчаянно топнула ногой и швырнула лук на землю. Бурча себе под нос, смахнула с подпоясанной плотной рубахи пух, обтряхнула заправленные в онучи мужские штаны. Маленькая, худая и юркая, как мальчишка. За внешней угловатостью, враждебностью скрывалось что-то женственное. Ветер слегка растрепал ее короткие до линии ушей волосы. Это

шло вразрез с принятым обычаем в общине. Но для нее это ничего не значило – просто было удобно.

Рогдар хмыкнул. Местные мужчины вряд ли могли оценить ее растрепанные волосы, неуклюже стриженные ножом. Она не знала, что такое нравиться мужчине.

– Вот же говно! – всплеснула руками. – Сдохни где-нибудь в кустах, рыжая тварь! Зараза, куренка жалко... Хороший такой был, куренок-то.

– Легче?

– Чего? Да хрен там! Мне что теперь прикажешь жрать? Ботвой давиться? Шишки еловые грызть? – В ее голосе мелькнули плаксивые нотки, которые она с усилием подавила.

– Угомонись.

– Угомонюсь я, когда сдеру с этой рыжей морды шкуру. Понял?

– Убьешь ее – придет другая. И дальше что?

– Значит, и она пойдет на шкуру.

– Всех не перебьешь. Вместо этого лучше приведи курятник в порядок. Будешь спать спокойно и сытно.

Прищурилась, метнула на него острый, обозленный взгляд серо-зеленых глаз.

– Слушай: а ты откуда такой умный вылез? Чего приперся? Упердывай давай отсюда пока в расход не пустила.

Рогдар вновь усмехнулся. Она угрожала наигранно, неумело.

– Полегче. Я на охоту иду. Пойдешь?

– Чего-о? С тобой что ли? Да вали ты к лешему, вояка недоделанный!

– Я похож на вояку?

– Я прекрасно знаю, кто ты и кому служишь. Иди отсюда.

– Почему ты злишься?

– Почему? Он еще и спрашивает... Зараза, да я сейчас объясню тебе, чего я злюсь! Мне, значит, жрать нечего, и тут припирается княжеский душегуб и говорит, мол, лису голод гонит, а не разум. Разум! Подумать только. Это палач мне про разум будет еще говорить! Знаешь – что? Меня воротит от всех вас. Сначала губите, а потом рассуждаете.

– Это кого мы губим?

– До кого руки ваши гнилые дотягиваются.

– Тебя обидел кто?

– Да пошел ты! И все вы!

Резко повернувшись, убежала в землянку, грохнув за собой дверь.

Старая тропа терялась в глубине леса. Удаляясь в лесную пучину, где дремучие чащи забылись непробудным сном, Рогдар вдруг остановился, задумчиво постоял и сел под дерево, прижался щекой к махровой шубе мха, покрывающей грубую кору. Редкие золотистые лучи проскальзывали сквозь пушистую хвою тонкими нитями. На ветвях хрустальной рябью мерцали капли дождя, и от напитанной влагой земли поднимался смолистый дух. Неподалеку сонно бродили кучерявые шапки сизого тумана.

Он закрыл глаза. Растворился в облакающем лоне спокойствия, вслушиваясь в мирный шелест хвойных иголок, нависших над ним изумрудной зеленью. Они навевали теплую дремоту.

Тихий хруст оборвал спокойствие. Открыл глаза и не шелохнулся, не дрогнул, не изменился в лице. Она подняла лук, натянула тетиву и направила наконечник стрелы ему в грудь. Молча смотрел на нее исподлобья.

– Ставай, – велела она.

Медленно встал и приподнял руки.

– Давай, – спокойно произнес он.

Стрела пробьет его прежде, чем он успеет сдвинуться с места.

Малка напряженно молчала. Он всмотрелся в ее глаза и криво ухмыльнулся. Он не раз встречал лик собственной смерти в отражении вражеских глаз и мог отличить блеф от намерения.

– Стреляй, – повторил он.

Малка вдруг нахмурилась: вопреки ожиданиям не увидела в нем даже толики страха. Он лишь спокойно смотрел на нее уставшими глазами.

– Чего тянешь?

– В глаза твои хочу посмотреть.

– Посмотрела?

– Замолчи.

– Либо стреляй, либо опусти лук.

– Я сказала – заткнись! – Руки ее мелко дрожали.

– Зачем целишься в меня?

– Не знаю. Ты мне объясни.

– Ты не тому мстишь.

– Кто тебе сказал, что я хочу тебе мстить? И вообще, ты...

– Повторяю: ты не тому мстишь. Моя смерть не избавит тебя от обид.

– Да что ты знаешь про мои обиды?

– Тебя глаза выдают.

– Чушь. Не заговаривай мне зубы!

– Какого лешего ты потащила за мной?

– Не знаю.

– Добычу делим пополам. Вернемся – я почию твой курятник. Идет?

Медленно опустила лук, неотрывно глядя на Рогдара. За ее острым, колючим, обозленным взглядом пряталось что-то детское: обиды, незащитность, одиночество.

– Что ты за зверь такой? – спросила она.

– Не знаю.

Рогдар шел быстро и всю дорогу молчал, вслушиваясь в древесное безмолвие. Низкорослая Малка, запыхавшись, почти бежала вслед за ним. Его спину покрывала волчья шкура, голова скрывалась под меховым капюшоном.

Остановился, осматривая лесную колыбель. Позволил Малке перевести дух, отдышаться. Она упиралась в колени, жадно хватала воздух ртом. Его дыхание было ровным и спокойным.

– Зараза... – Сплюнула вязкую слюну. – Вот олень...

– Что?

– Говорю, выносливый, как сохатый. – Выпрямилась и утерла пот со лба. – Здорово это, наверно. Да, вояка?

Ничего не ответил, не повернулся к ней.

– Слышишь – да? Говорю: здорово быть воином. Сильный, как медведь, и выносливый, как лось. Трудно, видать, таким изобилием не воспользоваться. Например, взять что-нибудь силой. Обидеть кого. И купаться в лучах славы. Не жизнь, а малина! Я всё правильно говорю, вояка?

– Едва ли. Войной любят издалека глупцы. На поле брани нет ничего, кроме ненависти, боли и смерти. Ты когда-нибудь видела смерть, Малка? Настоящую людскую смерть? Видела глаза человека, которому выпустила кишки, кем бы он ни был?

– Нет.

– Я завидую тебе.

Немного помолчала, тоскливо поглядев в глубину чащи.

- Нечему завидовать...
- Ты счастливый человек, Малка. Ты не видишь по ночам глаза тех, кто пал от твоей руки.
- Зачем бояться мертвых?
- Затем, что не всё мертвое мертво.

Тишина подрагивала от звонкого щебета птиц, переливистого и чистого, как горный родник.

- Нам туда.

Ясневый лук усиливали плотные накладки из сухожилий и кожи. Рогдар упер его в землю и согнул, чтобы накинуть на верхний паз скрученную изо льна тетиву. Растянул, проверяя, и направился глубже в лес.

Старый ручей, извиваясь мелким водотоком, проточил глубокое русло. Рогдар длинным прыжком перескочил через мелкий обрыв и протянул Малке руку. Она вдруг остановилась, будто наткнувшись на стену, и оторопела, недоуменно уставившись на протянутую ей руку. Глаза растерянно забегали, и с лица сошла озлобленная маска волчьего оскала.

Его взгляд настойчиво предлагал помощь.

Малка не приняла руки. Она ловко перескочила через глубокое русло и прошла мимо Рогдара, зацепив его плечом. Сжал пальцы и посмотрел ей вслед. Малка намеренно ускорила шаг, стремительно отрываясь от него и скрывая застывшее на лице смятение.

Попыталась обернуться, но мгновенно одернула себя.

Охотники безмолвно пробирались сквозь буро-зеленые дебри, минуя склоны, покрытые коврами ползучих мхов. Воздушные потоки покачивали древесные стволы, поросшие цветастыми лишайниками.

Всю дорогу она смотрела ему в спину.

- Устала? – спросил он, остановившись возле истлевшего бревна.
- Ты зачем это спрашиваешь?
- Если устала – отдохнем.
- Слушай: что за хрень? То руки мне свои суешь, то про усталость... Чего тебе от меня нужно?

– Ничего. Ты сама пошла со мной.

Отвела взгляд в сторону, делая вид, будто высматривает что-то в чаще.

Он мельком взглянул на нее: было что-то диковатое, резкое в ее движениях. Привыкшая выживать, отшельница позабыла, что такое помощь. Изгой, чужак для людей, которые всегда относятся к ней настороженно, предвзято, с опаской.

Их можно понять, подумал он. Кто видел ее волчий взгляд, кто видел ее осиное естество, тот станет сторониться ее. Но за непробиваемой чешуей грубости, за выпущенными шипами боязливо пряталось что-то хрупкое, тонкое, ранимое.

Она старательно казалась диким зверем, чтобы жить.

– Стой.

В голосе его прозвучало нечто, что заставило Малку резко остановиться и оцепенеть. Застывший и напряженный, Рогдар всматривался в глубину чащи, где бледной дымкой бродила мгла. Там тяжелым духом парила неживая тишина: ни шелеста хвои, ни щебетанья птиц.

– Видишь? – тихо спросил он.

– Нет, ничего не вижу.

Достал лук и поставил паз стрелы на тетиву, изготовившись к стрельбе. Мягко переставляя ноги, двинулся вперед и, немного приблизившись, убедился: среди деревьев безобразной раскуроченной грудой лежала объеденная туша лося.

Подкрался ближе, внимательно просматривая округу.

– Стереги, – тихо, но четко велел Малке и присел возле обглоданной туши. Кровь густым черным пятном расплзлась по земле, обильно напитав ее теплой влагой. В застывших глазах зверя отражались верхушки деревьев. На мощной шее зияли рваные глубокие раны, оставленные острыми когтями.

Кровь еще не успела запечься.

– Волки? – вполголоса спросила Малка, внимательно глядя по сторонам.

– Рысь.

– Сколько?

– Возможно, одна.

– Что? Да ты чего! Один хренов кошак вот этого лося завалил?

Взглянул на Малку.

– На рысь ты, я так понимаю, никогда не охотилась.

– Я не захожу так далеко от убежища.

– Сегодня поохотишься. – Опасливо огляделся. – Она не боится людей. У тебя будет всего один выстрел. Не убьешь сразу, она озверевает и бросится на тебя. Даже сильно раненая бежать прочь не станет. Второй раз выстрелить вряд ли успеешь.

– А если бросится?

– Закрывай руками горло и лицо. Иначе порежет когтями.

– Дурно всё это звучит...

– За рысью шкуру хорошая выручка. Если увидишь зверя – дай мне знак. Я подстрахую, если не убьешь одним выстрелом. Если увижу я – подстрахуюсь ты.

– Поняла.

– И гляди в оба. Этот кошак сюда еще несколько дней ходить будет.

Рогдар внимательно рассмотрел следы вокруг туши и нашел направление, куда они уводили. Следы слабые, едва заметные, по ним сложно было определить количество рысей.

Пройдя несколько шагов, Рогдар вновь остановился, присел, чтобы рассмотреть отпечатки лап, и оглянулся, тревожно взглянув в обратное направление.

– Оглядывайся почаще, – тихо предупредил он. – Рысь ты вряд ли услышишь.

– Ловкая она – эта твоя тварюга?

– Она ловчее и быстрее тебя. Лучше видит, лучше слышит, крадется и устраивает засады. Поглядывай на деревья. Если прыгнет на тебя с дерева – помочь я тебе уже не смогу.

Пройдя еще немного, охотники разошлись, просматривая местность. Оба держали луки наготове.

Малка резко остановилась, застыла и остро прислушалась. Прошла немного дальше, осторожно оглябая заросли. На нижней ветке сосны сидела пушистая серая рысь, самозабвенно слизывая с мощной лапы бледные остатки крови.

Крепкая ветка прогибалась под зверем.

Малка подала Рогдару знак рукой, он натянул стрелу и прицелился. Малка подступила ближе, и рысь заметила ее, напряглась, глядя на охотницу хищными глазами. Зашипела, громко мяукнула и угрожающе, протяжно крикнула.

Тетива звякнула, стрела свистнула, вонзилась жалом и сшибла рысь с ветки. Зверь болезненно вскрикнул и плашмя грохнулся на землю, панически попытался подняться, но лишь вздрогнул в предсмертной агонии, отчаянно мяукнул и затих.

Потухшие глаза смотрели в пустоту.

Малка повернулась к Рогдару и показала большой палец вверх. Рогдар ослабил натяжение тетивы, однако стрелу не снял, внимательно просматривая лесную глушь.

Охотница подступила к телу убитого зверя, присела на одно колено и провела рукой по мохнатой голове рыси. На лице Малки появились бледные черты сожаления, печали.

– Вот зараза... – пробормотала охотница. – Красивая же зверюга.

Она выдернула стрелу из туловища и показала Рогдару, довольствуясь меткостью выстрела.

– Ну и кто из нас охотник? – хмыкнула она. – С одного раза.

Неподалеку раздалось утробное злобное рычание. Малка испуганно ахнула и бросила ошарашенный взгляд в сторону. Из зарослей на нее смотрели глаза с вертикальными зрачками. Уши хищно прижаты, клыки оскалены, шерсть яростно вздыблена.

Не успев вскочить на ноги, Малка дернулась назад, суматошно ставя стрелу на тетиву. Рысь мощным прыжком, словно вспышка молнии, кинулась на охотницу. Крупный самец, выпустив кривые когти, налетел и перевернулся через нее, покатился кубарем. Мгновенно собрался и ловко вскочил на сильные лапы.

Лесную тишину пронзил истошный крик.

Сжавшись пружиной, зверь изготвился к последнему прыжку. Рогдар спокойно и четко спустил стрелу, она рассекла воздух и точным ударом сбила зверя. Самец яростно взвыл и быстрым прыжком бросился на Малку.

Вторая стрела сбила его в полете. Он камнем рухнул на землю, сдавленно захрипел, держа лапами, и застыл.

Сжавшись в дрожащий комок, Малка неотрывно смотрела на оскалившегося зверя, глядевшего на нее мертвыми глазами. Через всё предплечье к локтю обильно стекала кровь.

Она сидела под деревом и жалась к стволу, словно пыталась забиться в нору. Медленно закатывала напившийся кровью рукав, разодранный когтями в лоскуты. Кряхтела и шипела от рвущей боли, ползущей по руке.

Малка попыталась отстегнуть ремешок поясной сумки, дрожащие пальцы, измазанные темной кровью, не слушались, соскальзывали. Злобно выругалась про себя и глубоко вздохнула, пытаясь подавить подступившую тошноту. Кожа покрылась холодной испариной, голова закружилась.

Рогдар присел напротив.

– Дай мне руку.

Малка застыла, изумленно, испуганно глядя на него. Отрицательно помотала головой, отсела в сторону и зажалась. Лицо ее отливало нездоровой бледнотой.

– Малка, я просто хочу помочь.

– Почему?

Благообразие казалось ей дикостью, а дикость – благообразием.

– Не глупи и не трогай рану. Я тебе просто помогу.

Она не шелохнулась. Рогдар приблизился и силой взял ее за раненую руку. Она вздрогнула, застыла, напряглась, словно струна, но уже не сопротивлялась. Смотрела на него, как на диковинку.

Рогдар осторожно убрал от раны изодранный рукав, внимательно осмотрел поперечные порезы, подложил под сгиб локтя вытянутый камушек и согнул ее руку, чтобы замедлить ток крови.

– Держи и не опускай, – велел он и стал рыться в своей поясной сумке. – Пальцами шевелить можешь?

Она быстро закивала.

– Зачем ты меня спас?

– Тупой вопрос.

– Я целилась в тебя. Хотела убить.

– Чушь. Ничего ты не хотела.
– Нет-нет, послушай. Ты мог бы просто остаться в стороне. Отомстить. Но не сделал этого.

– Я не мстительный.

Опустила замутненный от боли взгляд.

– Подумать только. Если бы ты не подстрелил этого кошака... Зар-р-раза.

– Многое, что случилось, могло не произойти.

– Я сделала, как ты говорил.

Он достал связку из сухого белого мха. Заранее собирал его, высушивал и, уходя на охоту, всегда брал с собой немного. Размотал свернутую полоску льняной ткани, оторвал небольшой кусок.

– Что я говорил?

– Говорил горло закрывать.

– Ты всё правильно сделала. – Улыбнулся, но не взглянул на нее. – Иначе рука была бы меньшей из проблем. Пришлось бы тебя волочить на спине.

Она тихонько засмеялась – впервые за несколько лет. Воспользовался этим, полил на рану воду, смывая кровь. Малка напряглась, стиснув зубы, зашипела и затряслась, пытаясь скрыть боль. Рогдар промокнул воду, наложил сухой мох на рану и плотно перевязал тканью вокруг предплечья.

– До свадьбы заживет, – сказал он и подмигнул ей. – Белый мох будет впитывать кровь и обеззаразит рану.

– Знаю. У меня бабка травницей была. Это мне тебя впору лечить, а не тебе меня.

– Хорошо. В следующий раз твоя очередь.

– Договорились.

Малка испуганно вздрогнула. Рогдар свалил обе туши рядом с ней, достал нож и принялся снимать шкуры. Работал долго, вдумчиво, усердно. Всё то время Малка неотрывно наблюдала за ним, изучала его движения, его рабочие руки, его задумчивое лицо. На ее губах промелькнула тонкая улыбка.

Под сенью нежных крон парила хрупкая тишина осеннего вечера.

– Рогдар? Как там у вас принято благодарить?

– Так же, как и у вас.

– Давно это было. Не помню.

– Вспомни. Говорят, человек становится добрее, когда вспоминает былое.

– Не хочу я ничего вспоминать, – тихо проговорила она, отвернувшись.

– Я не настаиваю.

– Знаешь – что? Я тут подумала и решила... Бери-ка ты обе шкуры себе.

– Мы договорились: половина твоя. Так принято.

– Не умничай. Бери всё. Должна же я тебя как-то отблагодарить.

– Скажи «спасибо».

– Ну, спасибо. И что?

– Шкура твоя.

Ночь втекла в сосновый лес черной смолой. Пламя костра изящно извивалось гибкими язычками, которые облизывали шипящие ветки, вознося к затихшим кронам ворохи мелких искр. Они свободно вздымались в прохладную высь, мгновение парили в невесомости воздушного простора и умиротворенно угасали.

Они отражались в блестящих глазах Малки, лежащей возле костра. Рогдар лежал напротив, всматриваясь в алое зарево раскаленных углей, что запекались под горящими ветвями.

Тепло навевало сон. Рогдар плавно закрыл уставшие глаза, и вдалеке звонким эхом забряцал смех мальчишки, который догоняет Рогдара, и тот поддается, подхватывает его, и на лице сына мелькает яркая отрада. Каля стоит на крыльце дома, из которого тянется душистый аромат еды. Она зовет их, держа ладонь на беременном животе:

– Рогдар! Радим! Ужинать!

Во двор с треском вваливаются варяги, ошетилившиеся топорами. Они вырывают из рук Рогдара сына, волокут за волосы Калю, она кричит, отчаянно бьется, умоляет защитить их, но Рогдар не двигается с места, словно скованный цепями.

– Рогдар? Рогдар?!

Вздрыгнул и открыл глаза. Малка смятенно глядела на него сквозь танцующее пламя, теплом которого согревала обескровленную ранами руку.

– Я подумала, тебя надо разбудить. Хрень какая-то снилась – да?

– Не обращай внимания.

– Кто она такая?

– О ком ты?

– Ну, Каля. Ты бормотал ее имя.

Не ответил, тяжело вздохнув и перевернувшись на спину. Долго смотрел на шершавый узор крон, мерцающих в свете костра.

– Рогдар? Что такое совесть?

Не сразу ответил, задумавшись.

– Это очень сложно.

– Почему?

– Потому что проще в последний раз выйти на поле сечи, чем обратиться к совести. Значительно проще. Ибо между совестью и бойней люди выбирают последнее. Иначе не случилось бы столько войн.

– Зараза... Ничего не поняла.

– Я же говорю – это слишком сложно.

В глубине леса ухнул филин. Ветви в костре зашипели от влаги, дохнули дымом, паром. Рогдар вдруг повернулся к Малке – она не отводила от него взгляда.

– Почему ты ненавидишь дружинников?

– Можно попросить? Никогда меня об этом не спрашивай. Никогда – ладно?

Помолчал. В ее глазах блеснула давняя обида и боль. Лицо помрачнело, сделалось бледным. Она замялась в нерешительности, открыла губы, чтобы что-то сказать, но проглотила слова. Помедлила, собираясь с волей, и с трудом выговорила:

– Ты простишь меня?

– За что?

– Я целилась в тебя. Хотела убить.

– Ничего ты не хотела.

– Мне лучше знать. Хотела, хотела.

– Ничего. Я привык.

– Странный ты. Какой-то другой. Не такой, как те...

– Кто такие «те»?

– Я же просила. Никогда меня об этом не спрашивай.

Перевернулся к ней спиной и закрыл глаза. Липкий сон плавно растворил его в блаженной пустоте.

Выждав немного, Малка слегка приподнялась, пригляделась к нему, вновь легла.

– Рогдар, – шепотом позвала она.

Он не ответил.

– Рогдар, ты спишь?

И вновь тишина в ответ.

Тихонько поднялась, обогнула костер и присмотрелась к Рогдару. Улыбнулась, подошла ближе и осторожно легла рядом возле его спины. Приблизилась вплотную, прижалась и закрыла глаза, вдыхая его запах.

Он вдруг взглянул на нее через плечо.

– Холодно, – резко произнесла она. – Спи давай. И мне не мешай.

Отвернулась, с трудом сдерживая глупую улыбку.

– Не спится?

Исгерт не обернулась. Стоя на крепостной стене, она тоскливо смотрела в ночную пустоту северного тракта, откуда на город набредал туман. Прихрамывая, Избор встал рядом с ней и устало вздохнул.

– Возьми. – Протянул ей теплый сверток.

Взглянула на князя со смутением, но приняла сверток и развернула его. Горячий кулич дохнул паром и съестным духом.

– Почему не стала с нами ужинать?

– Я здесь чужак.

– Уже нет. – На лице князя появилась многозначительная улыбка.

– Где это видано, чтобы конунг наёмнице еду приносил?

– Я принес еду не наёмнице, а красивой женщине. Могу себе позволить такую роскошь?

– Признаться, я начинаю себя неловко чувствовать.

– Это пройдет.

– Надеюсь.

– Я рад, что ты здесь.

Ранним утром, нагрузившись добычей, они отправились домой. Рогдар, таща на себе связанные шкуры, шел впереди. Малка следовала за ним и наблюдала за его твердой поступью, вслушивалась в его ровное дыхание.

С неба посыпала первая снежная пыльца, сменившая нудную морось, которая смочила шкуру, покрывающую Рогдара, так что серая шерсть слиплась от влаги.

– Рогдар? А ты еще на охоту пойдешь?

– Не знаю. Вряд ли.

– Зараза... – буркнула она, понурившись. – Но почему?

– Потому что дома не всё ладно. В Ладогe, если ты не знала, ныне властвует бандит, который мнит себя князем. Требует от всех покорности, а несогласных по обычаю пускает под меч. Псковские власти дали ему отказ. Наняли варягов для защиты от варягов. То есть бандитов супротив бандитов.

Рогдар остановился, огляделся, поправляя свернутые шкуры у него за спиной, и двинулся дальше, пробираясь через старый бурелом. Грузеный, он свободно и легко перебирался через массивные бревна, поросшие бурыми грибами.

– Бандитов супротив бандитов... – задумчиво повторила Малка, неуклюже переваливаясь через громадное бревно. – Это как приручить волков для охоты на волков?

– Хуже. Волка хотя бы можно приручить.

– И что теперь будет?

– Война теперь будет.

– Зараза! Вот же сумасшедшее говно этот ваш... как там его?.. Хольгер?

– Нет, Хольгер не безумен.

– Ах, ну да! Конечно же! Я и совсем забыла! Отнимать, убивать и насиловать – это такие забавы у вояк. Просто развлечение.

Рогдар внезапно остановился и упер в нее пронзительный взгляд. Она растерялась и невольно попятилась. Вздрыгнула, наткнувшись ногами на гнилой пень. По спине пробежала холодная волна мурашек. Отшельница непроизвольно сглотнула.

– Ты прячешься на отшибе и ничего не знаешь об этом мире. Взгляни вокруг: ты живешь среди зверей и лесов. Здесь всё подчинено своим законам. Людской мир не таков. В нем не вожаки творят всю грязь, а люди, потекающие их прихоти. Они ли не безумны, когда ради процветания вожака омывают руки свои в грязи, крови и дерьме? А он лишь довольствуется сладкими плодами. Ибо умен и хитер, а не безумен.

Малка недоуменно таращилась на него большими глазами. Рогдар поправил связку шкур и двинулся дальше. Мгновение помедлив, Малка торопливо последовала за ним.

– Как волки, честное слово, – буркнула она.

– Как люди.

– Не любишь ты людей.

– Хороших люблю, плохих – нет.

– Не много я знавала людей. Только вот хороших среди них совсем не было. Кроме тебя.

Резко остановился, сделал четкий знак рукой, и Малка замерла, словно вкопанная. Набежал холодный ветер, нагоняя снежную крошку. Рогдар смахнул с головы меховой капюшон, напряженно прислушался, задержал дыхание.

– Слышишь?..

Малка напряглась. Сквозь колючий шелест слабо пробивался отдаленный шум. Она юркими прыжками пробежала немного вперед, взметнулась на поваленное бревно и, прислушавшись, тревожно повернулась к Рогдару.

Его лицо мертвецки побледнело. При виде его изменившегося облика ее вдруг обуял непреодолимый всепоглощающий страх, который расплзался по телу мелкой лихорадочной дрожью.

Он сбросил добычу и со всей скоростью рванулся в сторону Пскова. Стремительно летел мимо деревьев, напролом пробиваясь через ошетилившиеся заросли. Вскипевшая кровь стучала в висках, сердце бросалось на ребра, дыхание срывалось до глухой хрипоты.

Оскалив стиснутые зубы, он выбежал к пологой кромке леса и, тяжело, надрывно дыша, остановился, обмер, оцепенел. Мертвенный ужас блеснул в застывших глазах, в которых отражалось багряное марево полыхающих предместий. Густой дым заволакивал черной гарью свирепое войско викингов, стоявших у ворот Пскова.

В городе бесилась суета. Ополченцы вскрывали ящики со стрелами, снаряжали луки, хватали связки с дротиков и спешили на стены. Дым тающих в огне предместий заволакивал улицы, душил и разъедал глаза. Викинги не шли на приступ: они стояли неподвижным станом, отгородившись стеной щитов, и методично выбивали стрелами лучников со стен.

Они ждали.

Наемники не спешили. Собравшись на опустевшей городской площади, они неторопливо разминались, готовили мечи, топоры и щиты. На суровых, угрюмых лицах застыло хладнокровное спокойствие, выработанное годами варяжской жизни. Готовясь, они не обмолвились ни единым словом, переговаривались редкими жестами, знаками и взглядами.

Не смели потревожить или отвлечь ее.

Исгерд сидела на коленях. Она достала из кожаного кошелька несколько небольших шляпок сушеного мухомора, разжевала и запила медовухой. Дурман медленно наполнял ее тело боевой бодростью и обострял ясность сознания. Мысль стала быстрой, звуки стали громче, воздух пахнул кровью.

Глаза вращались под закрытыми веками, стиснутые зубы поскрипывали, пальцы нервно подергивались, жилистые мышцы наливались грубой силой. От учащенного дыхания расширялись ноздри, во рту становилось сухо.

Она саданула себя по щеке, оставив на бледной коже алый след. По-волчьи оскалилась, зарычав сквозь стиснутые зубы. Кровь мощными толчками била в голову, туманя взбешенное сознание.

Набрав полную грудь воздуха, она разразилась надсадным протяжным криком, срывающим голосовые связки. Сжатое напряженными жилами горло назойливо засадило.

Открыла истрескавшиеся красными прожилками глаза, отливающие стекляннным блеском. Она внимательно наблюдает ими за могущественной фигурой седовласого старца, который пересекает площадь. Облаченный в черный плащ, одноглазый, с двумя черными воронами на плечах, он опирается на боевое копьё, как на посох. Его шаги оставляют позади кровавые следы, по которым за ним следует два матерых волка. Старец вдруг останавливается и, медленно обернувшись, пристально смотрит на Исгерд единственным глазом.

Замерцав, фигура старца исчезает.

Избор быстро прихрамывал, двигаясь в окружении дружинников мимо городской площади. Остановился, увидев Исгерд, и встретился с ней долгим взглядом. Она неотрывно смотрела на него багровыми от дурмана глазами и поджимала напряженную, как струна, нижнюю губу.

– Скорее! – призвал Избор, махнув рукой. – У нас мало времени!

Она не шелохнулась.

– Сдержи обещание! – крикнул князь, указывая в сторону ворот, и тихо добавил: – Помоги нам...

Исгерд грозно поднялась. Раскинула в руки, в которые наемники вложили меч и топор. Она крепко сжала грубые рукояти, и обветренные костяшки пальцев побелели, словно раскалившись в печи.

Разразившись надсадным воем, она сорвалась с места, как спущенная стрела. Наемники тесной толпой бросились за ней. Они приливной волной накатились на княжескую дружину. Варяжские топоры обрушились на ратников железным роем, и площадь обагрилась скользкой кровью.

В слепой ярости боя они и она столкнулись. Князь размахисто занес меч для удара, но вдруг остановился, глядя ей в глаза. Исгерд медлила, выжидая, когда он первым нанесет удар. Однако князь лишь продолжал смотреть на нее. Она ужалила его мечом в большую ногу, пропахав глубокую зияющую борозду, захлебнувшуюся кровью.

Избор отчаянно зарычал от боли и наотмашь всадил ей кулаком по лицу. Из разбитых губ брызнул всполох крови. Исгерд пошатнулась, но удержалась на ногах. С размаху всадила топор у его шеи, и лезвие вошло наискось, глубоко. Князь пал на колени, словно подкошенный, неотрывно глядя ей в глаза.

Исгерд толкнула его ногой, повалила на землю и в приступе животного бешенства обрушила на него быстрые удары топора. Оскалившись, истошно рыча, нещадно рубила его, пока лицо не почернело от крови.

Умирая, Избор смотрел на нее. Он поднимается к ней, уединившейся на крепостной стене, и вручает еще теплый сверток. Она принимает его и разворачивает. На ее лице зреет неумело подавленное изумление, и зеленые глаза наполняются блеском.

– Я рад, что ты здесь, – с улыбкой говорит он.

Его потухшие глаза смотрели в небесную пустоту, затянутую махровыми облаками, с которых сыпал редкий снег.

Исгерд отшатнулась от него, встряхнула головой и отдышалась, повела ошалевшим взглядом по сторонам. Перебитые княжеские дружинники лежали под ногами викингов. Исгерд дала им команду, и они ринулись вниз по улице, обрушивая топоры и мечи на всё живое.

Слепое, необузданное, звериное бешенство вело их. Викинги бросились к воротам и свирепым налетом забили топорами жидкие ряды ополченцев. Подхватили затвор, сбросили его и с бычьим усилием толкнули двери.

Ворота распахнулись перед главарем викингов. Он спокойно и твердо стоял в терпеливом ожидании, опираясь обеими руками на тяжелый меч. Медвежья шкура покрывала его плечи, скандинавский шлем с полумаской защищал его голову. За ним плотной стеной щитов, мечей и топоров располагалось войско.

Быстро дыша и утирая глаза от крови, Исгерд вышла ему навстречу. Он неспешно подошел к ней, с усмешкой сквозь рыжеватую бороду оглядел ее окровавленное лицо. Сделал четкое, хлесткое, безразличное движение рукой, и викинги с яростным ревом ломанулись бешеной ратью в открытые ворота.

Главарь взял ее за подбородок, хмуро осмотрел разбитую кулаком губу, провел по ней большим пальцем и одобрительно похлопал по щеке.

– Не сомневался в тебе.

– Я рада тебе служить...

– Я знаю, хэрсир. Я знаю.

Положив меч клинком на плечо, обогнул Исгерд и неспешной, прогулочной поступью вошел в ревущий город.

Выскочив из дома, Каля пересекла дворик и выбежала на улицу. Увидев приближающихся варягов, застыла в страхе. Соседка схватила ее за руку, утянула за собой. Охваченные ужасом, они бросились бежать дворами, перемахивая через плетни. Скрывались за амбарами, проскакивали мимо варягов и бежали прочь ко двору князя. Воздуха не хватало, ноги путались, сердце яростно билось в грудь, будто пыталось пробить ребра и вырваться наружу, чтобы бежать прочь из охваченного резней города.

Каля споткнулась, упала, разодрав ладони и колени, измазалась в грязи, кто-то подбежал к ним, по-звериному рыча. Сжалась, закрываясь руками, и пронзительно вскрикнула. Глухой удар, она вздрогнула – бледная кожа покрылась брызгами теплой крови. Что-то тяжело упало рядом, коснувшись ее ноги. Взглянула и застыла, увидев распахнутые глаза и бородатое лицо, поглощаемое темным пятном крови. Из головы торчал топор.

Кто-то вновь схватил Калю за руку, встряхнул ее, приводя в чувства, потянул за собой. Они бросились бежать сквозь дым и дождь искр. Мимо пронеслись ошалевшие лошади, кто-то закричал, истошно завыл, раздался громогласный треск, задрожала земля, воздух вновь разорвал пронзительный крик.

Она обернулась: прущая вслед за ними ватага, охваченная тупой яростью, решительно приближалась.

Они достигли псковских бойцов, ополчившихся у ворот. Вновь кто-то утянул ее за руку, они вбежали во двор, заваленной мертвыми и ранеными. Люди сновали, ругались, кричали, кто-то звал на помощь, снаружи оглушительно и яростно гремела сталь, суматоха кружила бурей.

– Всех в терем! Всех баб в терем! – кричал кто-то, перекрикивая шум и звенящую ругань.

Обернулась. В стену ополченцев врезалась свирепая толпа, полетели щепки, загремели мечи и топоры, ужасающий рев рвал воздух. Строй смешался, замертво падали люди, хлынула кровь.

– Не стой! – закричал кто-то, подталкивая Калю в сторону княжеского крыльца. – Не стой! Беги! Беги!!

Взлетела по ступеням вместе с остальными. Изнеможенные дружинники подгоняли их, поторапливали, кричали. Очутилась в душном княжеском зале, заполненном женщинами, детьми, стариками. Тревога, плач, суматоха, напряжение и отчаяние в глазах. Кто-то случайно толкнул ее, она упала, ей наступили на руку, едва не раздавив пальцы. Некто другой подхватил ее, помог подняться и протолкнул вперед.

Обернулась и увидела, как двери скрипнули, затворились и заблокировались крепким затвором.

Рогдар вбежал через городские ворота на безлюдные улицы, заваленные посеченными телами защитников Пскова и варягов. Мельком осмотрел раны ополченцев и сурово выругался: такие увечья наносят из страха.

Малка оглядела следы побоища, вдруг согнулась и, судорожно давясь, обильно вырвала. Мелкая дрожь покатила по сжавшемуся от ужаса телу. Теперь она увидела своими глазами, каким еще может быть людской мир. Годы, проведенные в отшельничестве, где не было ничего, кроме сырой полусгнившей землянки, бесконечного одиночества и волчьего воя по ночам, показались счастливым временем в сравнении с одним мгновением, отражавшимся в ее намокших глазах, с которых сорвались блестящие слезы.

Рогдар пригляделся – у княжеского двора бурлил бой.

– За мной не ходи.

– Ты... ты что – собрался туда идти?! – Малка тяжело откашлялась.

– Уходи. – Достал из-за пояса топор, подобрал валяющийся возле мертвеца щит. – Спрячься у себя в хижине. А лучше уйди подальше в лес.

– Да ты с ума сошел! – Цепко схватила его за плечо. – Идти туда – самоубийство! Они же убьют тебя!

Не ответил. Лицо его изменилось, напряглось, взгляд оскалился злобой. Знал, что княжеский терем – это последний оплот сопротивления. Значит, там Каля.

– Да очнись же ты!

– Убирайся! – взревел он и пихнул Малку к выходу. Она не устояла, повалилась на землю и вытаращила на него глаза. На его лице проступили ожесточенные черты. – Спасай свою жизнь.

Перехватил щит удобнее и трусцой помчался вверх по улице.

На разграбленном дворов наткнулся на потрепанный отряд ополченцев. Взглянул на них, оценивая: израненные, уставшие, но не сломленные. Лишь следы скорби оттеняли их лица. Они меняли сломанное оружие и что-то обговаривали, готовились.

– Рогдар? – Десятник оживился. – Ты? Сотня, мы думали, ты погиб.

– Я тоже.

– Откуда ты?

– С охоты.

– С охоты на охоту. – Десятник хмыкнул. – Насмешка жизни. Рад тебя видеть, Сотня.

– Где князь?

– Пал. Варяжская сука нас продала со всеми потрохами. Это она Хольгеру ворота открыла. Я на женщину в жизни руки бы не поднял, но эту дрянью я бы...

– Что с варягами?

– Всё в полном порядке: грабят, насилуют, убивают. Человек триста их. Столпились на княжьем дворе. Все там.

На покосившейся лавке сидел потрепанный ратник. Прислонившись затылком к частоколу, он задумчиво смотрел на небо.

– Я вот всё думаю, – сказал он. – Сколько нужно убить людей, чтобы наступил тот сказочный дивный мир, ради которого вырезаются целые народы. Ну, сколько нужно убить, мужики?

– Всех. – Рогдар поправил щит. – Ударим Хольгеру в спину. Удивим его.

– Охотно.

– Готовы?

– Веди.

Двинулись плотным отрядом, оцетинившись оружием. На мертвых смотрели уже с привычным хладнокровием, как на пожухлую траву. Узкая улочка, пролегающая меж частоколов, отгораживающих дворы, чернела от смерти. Они осторожно переступали через небрежно разбросанные тела.

Среди них Рогдар мельком замечал знакомые лица. Его рука всё крепче сжимала древко топора.

Накопившаяся злоба взбесила его. Подступив ближе, Рогдар яростно зарычал и бросился на толпу варягов, пытавшихся сломить сопротивление ополченцев, который удерживали вход на княжеский двор. Быстро крушил топором, пробивая кольчуги и шлемы. Кровь брызгами ложилась на его свирепо оскаленное лицо, заливала глаза и пьянила терпким запахом.

Положил нескольких варягов и прорвался в гущу бойни. Его топор без разбору крошил одуревшие головы.

Толпа поредела и рассыпалась на отдельные стычки. Воины исступленно секли, резали, рубили, давили ногами и катались по земле, намертво вцепившись друг другу в охрипшие от рева глотки.

Рогдар осекся, машинально укрылся щитом, и удар раскрошил его щит в щепки. Рогдар грохнулся на землю, с трудом поднялся на ватные ноги, пошатнулся и встряхнул оглушенной головой. Перед глазами мутным водоворотом крутилась густая пелена.

Холодная сталь ужалила в бок. Злая боль обожгла нутро, обильно хлынула горячая кровь, пропитывая одежду. Шершавое лезвие резко выдернули, толкнули Рогдара в спину. Удержался, лишь опустил на одно колено, пытаюсь совладать с болью и накатившей слабостью. Сознанием завладела сильная сонливость, взгляд помутился, дыхание сперло, подступила мучительная тошнота.

Его толкнули. Беспомощно рухнул, по спине кто-то пробежался, вдавливая его в землю. Он неотрывно смотрел расширенными зрачками на двери княжеского терема, куда кинулись прорвавшиеся варяги.

Громко и тяжело дышал, отчаянно стиснув зубы. Надрывно зарычал, брызжа красной слюной, что пенилась на его губах. Приподнялся, попытался ползти, чтобы добраться до викингов, которые уже принялись рубить двери топорами. Вновь приподнялся, но рухнул на землю и бешено завыл.

От оскалившегося лица отлила кровь, на багровых выпученных глазах лопались сосуды. Отчаянно всадил нож в землю, ударил кулаком и потянул скрюченные злобой руки к варягам.

Колотая рана треснула от усилий, словно разрываема ткань, блестящие глаза мгновенно потускнели, потухли, и сознание погрузилось в густую черноту.

Топоры злобно гремели наперебой, кроша дубовые двери. Оголенные по пояс варяги рычали, пробивая вход. Двери треснули, расшатались и проломились внутрь.

Варяги разошлись, почтительно уступая дорогу главарю. Он спокойно вошел в терем, остановился и оглядел жавшихся к противоположной стене женщин с перепуганными детьми и беспомощными стариками. Громко потянул воздух, принохиваясь, и усмехнулся. Медленно снял с головы боевой шлем и всучил стоявшему рядом варягу.

– Подумать только, – проговорил он, прищуриив властные глаза. Суровый, нещадно битый жизнью, но закаленный ею, как обожжённая пламенем сталь. Его взгляд явственно говорил о том, что видел излишне много на своём веку. В этих свинцовых глазах никогда не было проблеска отрады.

– И эти люди хорохорились.

Сделал к ним шаг, однако на его пути внезапно оказалась Каля. Выставив перед собой рогатину, она направила острое перо наконечника ему в грудь, неотрывно глядя на него большими испуганными глазами.

Спохватившись, свита выстроилась перед вожаком, закрывая собой, и оцетинилась топорами. Игерд, злобно поджимая губы, сверлила Калю безумно вытаращенными немигающими глазами.

Каля невольно попятилась. Главварь спокойным жестом заставил своих людей опустить оружие и расступиться, шагнул девушке навстречу. Поднял руку, которой за волосы держал отрубленную голову псковского князя.

– Бей челом в пол. – Сказал ровно, сухо. – Перед тобой псковский князь... Не весь, правда. Но всё же князь.

Сделал к ней шаг. Она пригрозила ему рогатиной, но он продолжал медленно приближаться.

– Поди прочь! Клянусь, я убью тебя!

На его лице мелькнула снисходительная улыбка. Бросил голову Игерд. Однако Игерд нарочно не поймала ее. Голова с глухим стуком упала на пол, покатила и наткнулась на ноги одного из викингов.

– Игерд, будь так добра. Подержи псковского князя. И развлеки его по-всякому.

Главварь вновь шагнул к Кале. Она неуклюже, неумело ткнула в него рогатиной. Мгновенно перехватил древко и вырвал из ее рук.

– Глупая, но смелая. – Опираясь на рогатину, как на посох, присел на лавку, не отрывая от Калю пронизательных задумчивых глаз. – Я восхищен. Эта девушка взяла оружие. Одна против нас всех. А ее господин – вот этот князь – ползал у меня в ногах и умолял о пощаде, пока я ему голову резал. Как тебя звать?

– Мое имя тебе знать незачем, пес.

– Я не пес, кукла. Зовут меня Хольгер. Я – конунг Ладоги, Новгорода и еще каких-то земель – не помню. И теперь – хозяин вашей земли. Видишь? Не так трудно быть вежливым.

– Вежливым? – возмутилась она. – Вежливым?! Да как ты... Выгляни ты наружу и посмотри, что ты натворил! Здесь же полно невинных людей! Я тебя прошу. Прекрати эту бессмысленную бойню!

– При чем здесь я? – Хмыкнул нарочно громко. – Ты на людей моих посмотри. Это всё они. Я вышел к ним, сказал, что надо Псков захватить. Они пошли и захватили. Клянусь, так и было.

– Будь же ты человеком!

– Да мы все здесь люди. И те снаружи, рожденные людьми, людьми так и остались. Никто из них не лаял, не рычал и шерстью не покрылся. Ни одно животное не учинит такой бойни. Эти особые способности дарованы только человеку. Понимаешь? Человек – это не то, чем он пытается казаться. Не питай иллюзий по поводу рода людского.

Каля не стала раздумывать. Осознав природу этого человека, она махнула со стола топор, замахнулась и шагнула на Хольгера. Конунг даже не успел сообразить.

Игерд мгновенно оказалась на ее пути, прошла девушку мечом насквозь. Топор выскользнул из ослабших рук, глухо стукнул в пол. Пялясь Кале в глаза, Игерд вырвала из нее меч, девушка невольно рухнула, хватая воздух ртом. Она посмотрела на свою ладонь, на кото-

рую упало несколько капель крови, подняла на Игерд растерянные глаза, не понимая, что происходит.

Игерд замахнулась мечом. Хольгер жестко перехватил ее руки, стиснул их.

– Я тебя просил? – Отпихнул и всыпал ей тяжелую оплеуху. Игерд пошатнулась, схватившись за обожженную болью щеку, боязливо попятилась при виде его глаз.

Каля плачущим голосом громко застонала, всё еще не понимая, почему из живота и горла течет так много крови. На распахнутых глазах обильно выступили слезы, отупевший взгляд расширенных зрачков плавал, словно искал выход. Прижала дрожащую руку к кровоточащей ране, но не испытала боли.

Хольгер холодно взглянул на нее, присел на корточки, внимательно рассматривая, как она отчаянно и беспомощно пытается ползти прочь, но ничего не выходит. Ее кожа, покрывшись липкой испариной, стремительно бледнела, теряя кровь. Девушка становилась вялой и сонливой, неуклюже сворачиваясь на холодном полу. Давилась кровью, под распахнутыми глазами проступали черные тени. Хриплое дыхание прерывалось, взгляд тускнел, глаза уже не бегали.

Вздрогнула и застыла.

– И ничего не исправить, – задумчиво проговорил Хольгер. – Жизнь всё-таки омерзительная паскуда.

Перевел взгляд на Игерд. В его глазах не было укора: лишь задумчивая тоска мерцала в блестящих зрачках.

– Зачем? – холодно спросил он.

Игерд мельком глянула во двор, где струился алый пар, поднимающийся от посеченных тел.

– Затем что могла.

– Верю. – Провел рукой по лицу Кали. – Каких смелых сыновей она могла родить. Как думаете? Она смогла бы родить мне сыновей?

Викинги заготовали. Не улыбался только Хольгер. Он поднял Калю, встал, и она повисла в его объятиях. Медленно, задумчиво, несколько сонно раскачивался с ней, танцуя и монотонно напевая какой-то мотив в нос. Готовавшие викинги вдруг умолкли, стали недоуменно переглядываться. Хольгер взглянул на лицо Кали, погладил ее по голове и вдруг отпустил. Она мешком рухнула на пол.

– Жизнь – омерзительная сука, – сказал он и неспешно направился к выходу.

– Хольгер? – Игерд не отводила от него взгляда. – Что с пленными?

Остановился в дверном проеме и сказал через плечо:

– Всех под нож.

Хольгер медленно шел по улице, ведущей к городским воротам. Вслушивался в истошные вопли и мольбы, что доносились со стороны княжеского терема. Уходил подальше, чтобы не слышать.

Вдруг остановился. На крыльце одного дома лежало тело растерзанной девочки. Разорванная снизу рубаха, багровые пятна на нежных ногах, разбитое невинное лицо, выбитые зубы. В мокрых глазах застыло жалобное смирение, безысходность. В окоченевших руках она сжимала изодранную куклу: ее пытались вырвать, но девочка вцепилась насмерть.

Хольгер вошел в дом. Разграбленный, вывернутый наизнанку, опустевший. На стенах черными кляксами блестела свежая кровь. Из погреба, праздно пошатываясь, вылез охмелевший варяг. Руки его мелко дрожали, лицо черной гарью покрывал налет минувшей бойни. Он заливал глаза хмельным, чтобы снять животное напряжение.

Штаны его были расстегнуты.

– Конунг?

- Что это? – Хольгер кивком указал на блестящую безделушку на его руке.
 - Это? А, это для младшенькой браслет добыл. Подарю ей.
 - Очень мило.
 - Что-то не так? – Варяг не смел шелохнуться.
 - Ты мне скажи.
 - Мы сделали всё, как ты приказал, конунг.
 - Что я приказал? Ты помнишь?
- Варяг недоуменно тарачился на Хольгера.
- Что я приказал? – Повторил жестко, требовательно.
 - Ну, это... Вычистить дома от жителей.
 - Я помню. – Задумчиво кивнул. – Только зачем?
 - Что?..
 - Зачем – я тебя спрашиваю? Зачем я приказал это сделать?
 - Конунг? – Варяг не заметил, как протрезвел. – Конунг, мы сделали что-то не так?
 - Ты оглох? Я спросил тебя: зачем я вам приказал это сделать?
 - Я... – Варяг замялся, отвел глаза. – Я не знаю.

Именно, подумал Хольгер. Именно.

- Ты молодец, соратник.
- Рад служить. – Варяг машинально выпрямился. Руки его мелко тряслись.
- Да, радуйся.

Вышел из дома. На выходе из города остановился и посмотрел на чернильное полотно неба, с которого обильно посыпал серый, как пепел, снег. Холодный ветер застонал, нагоняя пробирающий до костей мороз.

Исгерд догнала его. Повернулся и взглянул ей в глаза. Смотрел тяжело, в упор, давил взглядом.

- Скажи: тебе не жаль всех этих людей?

Осмотрелась, глядя на посеченные, порубленные тела.

- Зачем ты спрашиваешь?

– Эти люди верили тебе. Они надеялись на лучший исход с твоей помощью. Они дали тебе кров, еду, серебро. Рядом с тобой они чувствовали себя в безопасности. У них появилась благодаря тебе надежда. И у тебя тоже благодаря им.

- Благодаря им? Надежда на что?

– На жизнь.

- Они для меня враги... Разве нет?

– Не знаю. Объясни. Почему они для тебя враги?

- Потому что они враги для тебя.

– Вот и всё... – Хольгер задумчиво посмотрел себе под ноги.

Он стоял возле окоченевшей руки одного из павших защитников города. Не разобрал его лица, припорошенного снежной крупой.

– А тебе? – Говоря с ним, Исгерд осторожничала, словно игралась с огнем. – Тебе не жаль этих людей?

- Нет. За что их жалеть? Это всего лишь люди. Чужие люди, не свои. Понимаешь?

Не ответила.

– Однажды и меня поставили перед выбором, Исгерд. Либо упростить себе жизнь равнодушием, либо сгореть от сострадания. Я сделал выбор. Как и ты.

- Тогда зачем спрашивал?

– Просто проверял.

- Я дала повод для сомнений?

– Война стала другой, Искерд. Это уже не та стихия, которая когда-то подхватывала нас. Теперь война развязывается по расчету.

– О чём ты?

– Знаешь, что он мне сказал? Он сказал: «Теперь иди и порази Избора. Истреби всё, что у него. Не бери себе ничего от них, но уничтожь и предай забвению всё, что у него. И не дай пощады ему, но предай смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца».

– Кто – он?

Посмотрел на серое небо.

– Что-то я не хочу возвращаться в Ладогу. – Тяжело вздохнул. – Вели остальным сжечь город. И проследи, чтобы ремесленные мастерские никто не тронул. Ясно?

Кивнула и направилась обратно.

– Стой.

Обернулась.

– Подойди.

Нерешительно подступила к нему. Положил руки на ее плечи, слегла встряхнул и прижался лбом к ее лбу.

– Твой план был велик. Слышишь меня? Без тебя я бы не взял этот город. Ты молодец. Мой самый преданный и мудрый воин.

Он легонько похлопал ее по красной от его удара щеке.

– Иди. – Легонько оттолкнул.

Ушла. Хольгер вновь оглядел улицу, заваленную порубленными телами.

Он не умер. Когда сознание пробилось сквозь плену беспомощности, он распахнул глаза и вздрогнул. Острая боль ковыряла заплывший кровью бок. Громко застонал сквозь стиснутые зубы.

Беспомощно лежал среди могильного марева в багровой грязи. Посеченные тела безобразно и бессмысленно застилали собой землю. В глухой тишине их слегка припорошила снежная крошка.

В тяжелой голове шаталась пьяная смута, которую разжигала свирепая боль. Слабость и сонливость поглощали истощенное сознание. Пересохшие губы истрескались, покрылись твердой обветренной коркой.

Плавающий взгляд застыл на разбитых дверях княжеского терема. В дверном проеме чернела мертвая тишина. Мутные глаза отрезвели, возбужденное сознание смахнуло хмельной осадок горячки, разум обострился, словно меч.

Застыл в оцепенении. Блестящие от ужаса глаза задрожали, хриплое дыхание участилось и сердце раскатистыми ударами забило в груди. Его бросило в жар, кожа похолодела и кровь еще больше отлила от кожи.

– Нет... – выдавил он из себя. – Нет, пожалуйста, нет!

Дрожащими руками отжал себя от земли, сражаясь с болью и слабостью, поднялся на колени, прижал руку полыхающей ране, истекающей кровью. С трудом встал на ослабшие ноги, пытаясь удержать равновесие, и медленно побрел в княжеский терем, шатаясь.

Оступился, поскользнувшись на трупе, и рухнул на землю. Лицо зарылось в жидкой грязи, в глазах потемнело и всё раздвоилось в мыльном круговороте. Сдавленно, устало и отчаянно завыл сквозь пронзающую все внутренности боль. Боль драла его острыми когтями, как рассвирепевший зверь.

– Каля! – глухим стоном позвал он. – Каля, я здесь! Я здесь... Лишь бы была жива, лишь бы...

Отчаянно зарычал.

– Вставай, – приказал он себе, собираясь с силами. – Ну же! Вставай!!

Скрипя зубами и яростно кряхтя, оторвал туловище от земли и вновь поднялся на ватные ноги. Опираясь на перила, взобрался по ступеням на крыльцо, удерживая ускользящее сознание, и добрался до выхода в терем.

Пошатываясь, вошел в зал.

Увидел ее сразу и замер. Она лежала сжавшимся комочком, словно испуганный замерзший зверек. Тихо позвал ее, но она не отозвалась. Он позвал еще громче, но в ответ звучало лишь холодное молчание.

Забыв о боли и слабости, он с трудом добрался до нее, опустился на колени и осторожно тронул рукой.

– Каля? Маленькая, это же я... это же я – Рогдар.

Не ответила.

Перевернул ее и увидел пустые глаза, застывшие и смотревшие в бесконечную даль. Провел ладонью по ее бледной щеке, пальцами по ее приоткрытым губам, в которых задержалась растерянность и обида. Притянул ее к себе, взял на руки и обнял, придерживая ее повисшую голову, жадно прижимал к своей щеке. Отчаянно встряхнул, пытаюсь разбудить.

– Маленькая моя... – хрипло всхлипнул он. – Пожалуйста, пожалуйста, проснись, проснись, проснись...

Гладил ее по волосам, укачивал, убаюкивал.

– Хорошая моя, любимая, ну пожалуйста, проснись! Ты же не можешь умереть, девочка моя... Ты же моя единственная... Ты не можешь, Каля! У нас же с тобой должен быть наш маленький сын. Слышишь? Наш маленький сын! Не уходи, маленькая моя, прошу, не уходи, останься со мной... останься... умоляю... Каля!

Встряхнул ее, она не ответила.

Мертвую тишину терема разорвал протяжный утробный вой. Срывая глотку, отчаянно ревел, укачивая ее мертвое тело на ослабших руках. Голос вдруг сорвался, лопнул, как струна.

Долго и недвижимо сидел в тишине, прижимая тело к себе. Гладил ее по спине и смотрел пустыми мокрыми глазами в одну точку. Вскоре поднялся, держа ее на руках, и понес прочь из мертвого терема. Шел по улице медленно, глядя перед собой опустошенными глазами. Весь черный от грязи и горя.

Оказавшись за городом, унес ее в лес, на небольшой поляне бережно уложил на землю и принялся яростно рыть руками могилу, сдирая пальцы в кровь. Не прервался, не остановился, чтобы перевести дух. Рыл, пока в лесу не сгустились мрачные сумерки.

Наклонился над ней, легонько поцеловал в холодные губы, нежно провел рукой по ее щеке. Она всегда улыбалась, когда он так делал. Не улыбнулась. Хотел, чтобы улыбнулась, но холодные губы оставались недвижимы. В ее глазах стыла детская растерянность. Провел рукой по ее лицу, закрывая стеклянные глаза. Укутал в шерстяной платок и в последний раз прижал к себе, сильно, крепко, отчаянно.

Не сразу решился. Подождал немного и вскоре опустил ее в могилу, прикрыл нежное лицо платком.

Опустил на ее живот клочок земли, затем другой, третий и принялся засыпать могилу. Истощенный, полуживой, он закончил к ночи. Заботливо и старательно уплотнил земляной бугорок и без сил рухнул на него, обнял руками, прижался лицом.

– Я здесь... – с трудом прошептал он. – Я здесь, я с тобой...

Дыхание сорвалось, глаза закрылись, сердце ослабло, сознание погрузилось в черную бездну.

– Вернись... Рогдар... вернись...

ЧАСТЬ II: ЗАЛОЖНЫЕ ПОКОЙНИКИ

На этот раз их вернулось слишком мало.

Корабли викингов неспешно плыли по широкой поверхности Волхова, пробиваясь сквозь лепящий снег. Они входили в гавань Ладоги и причаливали к пристани, заполненной людьми, которые встречали вернувшихся домой воинов. Варяги выходили из причаленных кораблей, груженные награбленным, ныряли в объятия жен, сыновей и дочерей. Показывали добытые в походе богатства и с веселым настроением отправлялись домой, где их ждал теплый очаг, забота и уют.

Они многое не расскажут своим сыновьям, но поведают о своих подвигах, заслугах и геройстве. Поведают о том, чего не было, а истину прикроют, утаят. Расскажут занимательную историю, порадут их. И сыновья будут гордиться отцами, захотят быть похожими на них, захотят однажды стать такими же.

Не для всех ожидание обернулось радостью. Многие, так и не дождавшись своих мужей и отцов, с тяжелой ношей возвращались домой, оставались наедине, убитые горем. Оставшись без мужей и добычи, вдовы с ужасом осознали, что не переживут зимы.

Исгерд выпрыгнула из причалившей ладьи и, закинув круглый щит за спину, направилась в город.

– Здравствуй, Исгерд.

Вздрыгнула и бросила резкий взгляд на девушку, стоящую у причала. В сложенных перед собой руках она перебирала черные четки с маленьким крестиком. Большие хлопья снега ложились на ее драгоценный плащ, скрепленный спереди фибулой, из-под которого выглядывала теплая туника. Девушка была одета теплее, чем обычно.

Исгерд смерила ее недобрым взглядом и молча пошла дальше.

Хольгер вышел из ладьи, раздал несколько распоряжений и направился в город. Девушка, стоявшая у пристани, окликнула его.

– Хельга? – Изумление на лице. – Что ты здесь делаешь?

– Разве я не могу встретить мужа здесь?

Хольгер раскинул руки и, подойдя к ней, холодно обнял, без значения, без чувства.

– Вас вернулось так мало...

– Не начинай.

Отстранился от нее, она удержала его за руки.

– Да как же не начинать, если половина не вернулась?

– Две трети, – сухо сообщил Хольгер, не взглянув на нее.

Направился в город.

– Я знаю, почему ты так ко мне охладел.

Остановился, но не обернулся. Годами они не могли зачать ребенка. Звали по ее просьбе христианских монахов: они сутками читали над ней молитвы, но не совершили чуда, в которое она верила. Обращались к знахарям: они поили обоих горькими отварами, вызывая тем приступы острого недомогания. Прибегали к помощи старых колдунов, но Хельга боялась их, отрешивалась. Хольгер отчаялся, Хельга продолжала молиться и верить, что однажды сумеет понести.

– Сколько это уже длится? – спросила она.

– Я уже смирился.

– Не правда!

– Мне плевать.

– 1783 дня и это утро со дня нашей свадьбы.

– 1786 дней, Хельга. Но я по-прежнему тебя люблю.

– Тебя всё чаще нету дома, Хольгер.

Обернулся. На пристани уже никого не осталось. Они стояли вдвоем под молочным снегопадом, неотрывно глядя друг на друга сквозь крупное зерно, сыплющее с неба.

– Ты же знаешь, что я это делаю для семьи.

– Для какой семьи?

– Для нас с тобой.

– Хольгер, я уже не помню, когда в последний раз мы спали с тобой в одной лежанки. Такая, по-твоему, должна быть семья? Ради такой, по-твоему, семьи нужно надрывать где-то вдалеке? Ты постоянно пропадаешь в своих походах. А я месяцами чахну здесь одна. И я уже не знаю, чего мне ждать: то ли когда ты вернешься на своих ногах, то ли когда тебя притащат на щите.

– Ты знаешь, почему я это делаю. Знаешь, но всё равно возвращаешься к этому разговору. А я не хочу больше об этом говорить. Никогда. В конце концов, я не за этим вернулся домой.

– Сколько людей бессмысленно убито?

– Нет. Не бессмысленно. Мы принесли их в жертву этому золоту.

– Ради чего?

– Ради нашей жизни.

– Пора остепениться, Хольгер. Я каждый день молилась Богу, чтобы удержать тебя, и...

– Значит, твой бог слаб, как и его служители.

– Бог мудр, Хольгер. Ибо он услышал другую мою просьбу.

Хольгер застыл, глядя на улыбающиеся губы Хельги.

– Это правда? Ты беременна?

– Я никогда тебе не лгала.

Он вдруг радостно закричал, сорвался с места, подхватил ее, словно пушинку. Закружил и громко расхохотался. Она боязливо вцепилась в его шею, залившись звонким хохотком, и ее янтарно-рыжие волосы, пылающие солнечным огнем, растрепались от круговорота.

– Воистину, велик твой Бог!

– Дай мне слово, – шепнула Хельга, глядя на него загоревшимися глазами. – Дай мне слово, что ради нашего ребенка ты прекратишь ходить в набеги. Хорошо?

– Да, хорошо.

– Обещаешь?

– Клянусь! – Вновь ее закрутил. – Клянусь, больше ни одного набега.

Хольгер поставил ее на землю и достал из-за пазухи бирюзовое ожерелье, бережно надел Хельге на шею.

– На Востоке говорят, что это камень счастья.

– Он очень красивый, – умиленно и радостно ахнула Хельга, однако смутилась, заметив засохшие темные пятна на нескольких сине-зеленых бусинах, присмотрелась. – Ой! Да здесь же кровь...

Хольгер пригляделся, нахмурился.

– Прости, не заметил. – Приобнял ее и повел в сторону княжеского двора. – Ничего страшного. Это отмоется.

Рогдар открыл мутные глаза. Неосознанно пошевелил руками, ногами, согнул и разогнул пальцы. По давней привычке проверял – не искалечен ли. Неосторожное движение отозвалось драной болью внутри.

Его придавливала теплая шкура, откуда-то сбоку веяло жаром. С трудом приподнял тяжелую голову, осмотрелся. Дубовый стол, на котором тлела одинокая лучина, небольшая беленая печь, в противоположном углу – опрятная лежанка, с поперечных балок под крышей свисают сухие травы, лук и лисьи шкуры.

Попытался встать, но рвущая боль жалом прожгла бок. Стиснув до скрежета зубы, залез дрожащей рукой под мокрую от пота рубаху, нащупал пласт сухого белого мха. Под ним пылала набухшая рана, схваченная коркой и покрытая непонятными рубцами. Откинул шкуру, присмотрелся. Рана аккуратно зашита тонкими нитками, смазана живицей и барсучьим жиром.

Скрипнула дверь, с улицы повеяло морозом и свежим воздухом.

– О, ты очнулся!

Малка подскочила к нему, живо смахнула его руку с раны и приложила мох другой стороной. Потрогала покрытый липкой испариной лоб и выругалась сквозь зубы.

– Лежи спокойно. Ты не приходил в сознание месяц. Набирайся сил...

Попыталась укрыть его шкурой. Рогдар резко воспротивился, неотрывно глядя на нее озлобленными глазами. Под ними проступали нездоровые алые пятна. Она растерянно застыла, на лице мелькнуло смятение.

– Какого хрена... – хриплым полусшепотом процедил он, жестко вцепился в ее руку и рванул к себе. – Какого хрена, Малка?.. Кто?.. Кто тебя просил?..

Дернулась, пытаюсь вырваться. Он сдавил ее руку крепче.

– Кто тебя просил меня вытаскивать?.. – шипел он сквозь оскаленные зубы. – Кто тебя просил?.. Кто?!

Обильно покрывшись холодной испариной, он мертвецки побледнел, жадно хватая воздух пересохшим ртом. Стал вяло метаться, пытался встать с лежанки, но Малка силой удерживала его, что-то говорила, кричала. Он не слышал ее, отталкивал, ворочая затуманенными глазами, стонал, рычал и выл.

Из припухшей раны полилась кровь. Рогдар ослаб, тело обмякло, глаза закатились, Малка уложила его обратно на лежанку, придавила к ране белый мох, накрыла Рогдара шкурой. Он бессильно откинул голову, сквозь горячку повторяя нечто бессвязное, закрыл глаза и вскоре утомился.

– ...Рогдар?

Не ответил. Дотронулась до его мокрого лба, пышущего жаром, быстро засутилась, намочила полотенце и приложила к раскаленному лбу. Долго сидела рядом на краю лежанки, глядя на его бескровное лицо.

– Вот зараза...

В основе «длинного» дома, имевшего длину в семьдесят шагов и стоявшего в Ладогe еще до Хольгера, был положен узкий медовый зал. Двускатная крыша напоминала остроконечное дно морской ладьи. Невысокие стены сложены из плоских камней, замазаны внутри глиной, снаружи облеплены дерном. Вход был с крыльцом, привнесенным уже местным славянским населением. В медовый зал вела двустворчатая дверь, украшенная витиеватой скандинавской резьбой.

Заполненный викингами холл праздно гудел. Они плотно сидели на лавках за дубовыми столами, поставленными в ряд вокруг обложенного камнем длинного очага в центре зала. Громадная туша кабана, забитого в честь конунга, скворчала на вертеле, по румяной корочке обильно стекал кипящий жир и падал на угли. Шипя, они загорались, и ароматный дым, вздымаясь кверху закрученными всполохами, уходил через отверстие в крыше.

Пир на костях. Золото и серебро, добытое в Пскове, стояло в ящиках и громоздилось искрящимся валом. Черные пятна крови покрывали добычу сухой коркой, венчающей триумф успеха. Золото купалось в роскоши людской крови.

Хольгер сидел во главе оживленного стола в резном дубовом кресле. Хельга сидела подле него, с улыбкой наблюдая за хмельным весельем викингов. Они жадно, остервенело, ненасытно пожирали угощения: хватали руками жирное мясо, отрывали от него зубами куски, смачно пережевывали, обильно заливали медовухой, громогласно рыгали, и жир стекал по их

слипшимся бородам. Ей нравилось происходящее: это она снисходительно угощала их едой и питьем, как хозяин угощает своих псов.

Утробно гремели барабаны, переливисто играла волынка, скрипела четырехструнная тагельхарпа и натужно завывал козлиный рог под соловьиное пение бородатого скальда.

Хольгер налил себе в питейный рог медовуху, жестом руки пригасил увлеченность музыкантов, поднялся. Викинги мгновенно умолкли и дружно встали, оторвавшись от обильных кушаний, взяли в руки наполненные чаши.

– Соратники! – громко огласил Хольгер. – Считаю наш поход удачным и славным. Немало наших братьев легло в злосчастном Пскове. Но я уверен, что ныне они пьют за наше здоровье в чертогах Вальгаллы!

Викинги ликующе зарычали, загремели по столу.

– Все мы покинули свои родные земли, – продолжил Хольгер менее весело. – У каждого на это была своя причина. Судьба свела всех нас здесь – в Ладого. Этот город – последняя пристань викинга. И скоро вся северная земля Гардара станет нашей! А это значит, что спокойная и достойная жизнь наступит совсем скоро для всех нас в равной мере.

Викинги вновь зашумели, гремя кулаками по дубовому столу.

– Но я хочу выразить особую благодарность трем моим самым преданным соратникам, без которых этот поход мог не получиться. – Вышел из-за стола и подошел к Кнуду, похлопал его по плечу. – Этот человек внушает доверие нашим врагам. Тот, кто доверяет, утрачивает бдительность. Не знаю почему, но даже я верю этому человеку!

Викинги грохнули от смеха, сотрясая душный медовый зал.

– Твое здоровье, Кнуд.

– Твое здоровье, конунг.

Хольгер подошел к Торну, и рядом с ним казался меньше, слабее. Смерил его взглядом и тоже похлопал по плечу.

– Этот человек уже много лет собирает для меня дань с окрестных земель. И он ни разу меня не подводил. Достойный пример. К тому же он внушает ужас в наших врагов. Тот, кто боится, утрачивает трезвость мышления. И кажется, мне самому как-то не по себе рядом с этим дуболомом.

Викинги вновь покатались со смеху.

– За тебя, Торн.

– Будь здоров, конунг.

Обойдя стол, Хольгер подошел к Игерд со спины и положил обе руки на ее плечи. Затылком почувствовала его дыхание.

– Мой верный тэн. Моя гончая. Она заслуживает всех почестей мира, ведь женским коварством втерлась в доверие псковскому князю и мужской яростью уничтожила его, а затем открыла нам ворота неприступного города. Мысль принадлежала ей, я всего лишь дал согласие. И да, кстати, я единственный в мире конунг, у которого военачальник – женщина.

– И очень аппетитная! – выкрикнул кто-то захмелевший. Игерд шуточно метнула в него жирный кусок мяса.

– За тебя, Игерд, – сказал Хольгер возле ее уха.

Обогнув стол, конунг вернулся на место и поднял наполненный рог.

– Это ваш день, хольдары. Skál!

– Skál! – рыкнули викинги в ответ, подняли чаши и жадно опустошили их.

Вновь грохнули барабаны, живо заиграла волынка, скальд затянул песню. Раскинувшись в кресле, Хольгер молча наблюдал за пиршеством, внимательно читая по губам, о чём говорят его люди. Тайком, мерцая глазами, усмехаясь, сквозь пьяную речевую вязь они говорили вполголоса.

– Лицемерны его слова. – Элборт блеснул глазами. – Он расхваливает своих людей, но кто сидит у его правой руки? Ростовщик. Ростовщик, а не хёвдинг поставлен его советником. Раньше конунги сажали подле себя тех, кто владеет землей, а не деньгами.

– К чему ты клонишь?

– Не знаю, не знаю. Не знаю, кто из них у кого под рукой.

– Это всего лишь советник.

– Кархон? Кархон не просто советник.

Элборт отпил из чаши.

– Я слышал про настоящих конунгов. Таких потерь, как этот, они не знавали. Рагнар Лодброк захватил Париж с пятью тысячами воинов. Пять тысяч человек последовало за ним. За этим же следует войско ростовщиков. При Лодброке хёвдинги – это настоящая знать, а не средство для поборов.

– Однако, – отметил старый хёвдинг, – ты никогда не видел Рагнара Лодброка.

Элборт замялся.

– И что с того?

– Да то, что люди всякое говорят. А что говорят – дели на десять. Не ошибешься.

– Хольгер не Рагнар, – хмыкнул Элборт.

– Он прав, – вмешался Вульфгар. Один его глаз перекрывала черная повязка. – Рагнар Лодброк не упустил бы живой товар. Хольгер же перебил в Пскове всех, лишив нас большей прибыли, чем мы имеем.

– А тебе мало? – усмехнулся старый хёвдинг.

Вульфгар остался невозмутим и хладнокровен.

– Подумайте сами. Мы могли взять не меньше сотни рабов. Половина из них женщины и девочки. Девственницы. От двух тысяч дирхемов за штуку. Это по меньшей мере сто тысячч дирхемов коту под хвост. И это не считая юношей. Рагнар бы так поступил?

Хёвдинги согласно кивали охмелевшими головами. Элборт поймал на себе взгляд Хольгера, криво улыбнулся и поднял в его честь чашу. Хольгер поднял чашу в ответ и пил, и пили они, и все улыбались друг другу.

– Они любят тебя, – улыбнувшись, сказала Хельга.

– А я их ненавижу.

Почувствовал на себе пристальный взгляд мужчины в черном облачении, он сидел возле края стола рядом с конунгом.

– Что не так, Кархон? – Хольгер наклонился к нему.

– Ты хорошо постарался... конунг. Твои воины довольны добычей. А мои купцы довольны выручкой с нее. Очень хорошей выручкой. Ты славно постарался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.